

РОСТ В ПОЛЬЗУ БЕДНЫХ? ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ДИНАМИКУ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ*

Кирилл Гайдук, Александр Чубрик**

Резюме

В работе проанализированы факторы, определяющие динамику уровня бедности и доходов наименее обеспеченного населения Беларуси. На основе анализа литературы были сформулированы следующие рабочие гипотезы: (1) рост ВВП в Беларуси был ростом в пользу бедных; (2) девальвация негативно влияла на доходы бедных и не влияла на доходы богатых; (3) потребительские цены для бедных домохозяйств росли быстрее, чем для домохозяйств со средним и высоким уровнем дохода; (4) политико-деловой цикл оказывал влияние на реальные доходы и уровень бедности в Беларуси; (5) политика перераспределения дохода играла важную роль в борьбе с бедностью. Для анализа долгосрочной связи между переменными в работе применялся двухшаговый тест Энгла-Грэйнджера, а для анализа краткосрочной динамики – модели с механизмом корректировки ошибки. В результате все гипотезы в той или иной степени нашли эмпирическое подтверждение. Результаты эконометрического анализа не подтвердили последней гипотезы – переменные, характеризующие неравенство распределения дохода, вопреки теоретическим ожиданиям не оказывали значимого влияния на динамику бедности. Однако косвенные механизмы перераспределения – девальвация и политико-деловой цикл – оказались важными факторами, объясняющими ее поведение. Проведенный анализ показал, что нынешняя стратегия борьбы с бедностью, основанная на решении краткосрочных задач в рамках политико-делового цикла, не является устойчивой, поскольку полагается не на гибкость рынка труда и создание новых рабочих мест, а на регулирование «каналов передачи» положительного влияния экономического роста на уровень благосостояния населения. Вызовы, вставшие перед белорусской экономикой после энергетических шоков, требуют пересмотра этой стратегии, новыми элементами которой должны стать повышение гибкости рынка труда (в том числе через стимулирование развития бизнеса) и повышение адресности социальной поддержки населения.

Ключевые слова: Беларусь, экономический рост, бедность, неравенство распределения дохода, инфляция, девальвация, оплата труда, единичный корень, механизм корректировки ошибки, политико-деловой цикл
Номера классификации JEL: C22, I32, I38, J38, J48, O52, P23, P29

**Рабочий материал Исследовательского центра ИПМ
WP/07/02**

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР ИПМ
исследования • прогнозы • мониторинг

ул. Захарова, 76–88, 220088, Минск, Беларусь
тел./факс +375 17 210 0105
веб-сайт: <http://research.by/>, e-mail: research@research.by

© 2007 Исследовательский центр ИПМ

Позиция, представленная в документе, отражает точку зрения авторов и может не совпадать с позицией организаций, которые они представляют

* Работа подготовлена при поддержке Белорусского фонда общественной политики.

** Кирилл Гайдук – экономист Белорусского института стратегических исследований, e-mail haiduk@policy.hu; Александр Чубрик – экономист Исследовательского центра ИПМ, заместитель директора CASE-Беларусь, e-mail chubrik@research.by.

Содержание

1. Введение	3
2. Экономический рост, бедность и неравенство: концептуальные замечания	4
2.1. Выбор определения бедности	4
2.2. Определения роста в пользу бедных	5
2.3. Роль распределения дохода	6
2.4. Роль макроэкономической стабильности	8
2.5. Вариативность инфляции	9
3. Условия и факторы снижения бедности	10
3.1. Макроэкономические режимы	10
3.2. Политико-деловой цикл	11
3.3. Занятость и социальные трансферты	12
3.4. Некоторые итоги и рабочие гипотезы	13
4. Влияние динамики ВВП на благосостояние населения	14
4.1. Данные	14
4.1.1. Источники данных и их особенности	14
4.1.2. Динамические характеристики данных	17
4.2. Анализ долгосрочной связи между уровнем ВВП на душу населения и уровнем дохода	19
4.3. Краткосрочная динамика дохода: модель с механизмом корректировки ошибки	20
4.4. Рост в пользу бедных? Кривая распределения роста, вариативность инфляции и распределение дохода	23
5. Факторы снижения бедности: роль дохода, девальвации, политико-делового цикла и перераспределения	26
5.1. Факторы снижения бедности: долгосрочный период	26
5.2. Факторы снижения бедности: модель с механизмом корректировки ошибки	29
6. Некоторые замечания по поводу экономической политики	30
6.1. Некоторые инструменты политико-делового цикла	30
6.1.1. Таргетирование средней зарплаты и минимальная заработная плата	30
6.1.2. Ограничение дифференциации оплаты труда	31
6.2. Инструменты и последствия ценового регулирования	32
6.3. Насколько устойчиво снижение бедности в Беларуси?	33
7. Заключение: основные выводы и направления дальнейших исследований	35
Литература	38
Приложение А. Анализируемые данные	42
Приложение Б. Темпы прироста доходов по децилям, 1997–2006 гг.	44
Приложение В. Институционально-правовые механизмы регулирования цен и оплаты труда	46

1. ВВЕДЕНИЕ

В последние годы снижение бедности было одним из главных приоритетов в деятельности международных организаций и национальных правительств. В частности, в Декларации тысячелетия ООН одной из целей является снижение абсолютного уровня бедности (1 доллар в день по паритету покупательной способности, ППС) в мире с 29% (1276 млн человек) в 1990 г. до 14.5% к 2015 г. (658 млн человек). Однако в 2005 г. уровень бедности в мире был высоким, а около 2.7 млрд человек жили на доход, не превышающий 2 долл. по ППС в день (Sachs et al. (2005)).

Абсолютное большинство исследований придерживаются концепции «роста в пользу бедных» (*pro-poor growth*). Наиболее общее определение роста в пользу бедных – это экономический рост, ведущий к значительному снижению бедности (World Bank (2005)). Сам по себе экономический рост не является гарантией снижения бедности, но если он создает такие возможности зарабатывать деньги, которые позволяют наименее обеспеченным людям заниматься производительной и хорошо оплачиваемой работой, то он является ростом в пользу бедных¹ (United Nations (2000)).

Часто снижение бедности связано со снижением неравенства или региональных различий в уровнях дохода в рамках одной страны (Cord et al. (2004)). Следовательно, если экономический рост сопровождается увеличением доли беднейшего населения в совокупном доходе, то он считается ростом в пользу бедных. Согласно еще одному определению, рост оборачивается в пользу бедных, если он ведет к ускорению роста их доходов, при этом изменения неравенства могут влиять на динамику уровня бедности (World Bank (2005)). Таким образом, кроме экономического роста на доходы бедных может оказывать влияние политика перераспределения дохода.

В современной политической экономии проблема взаимодействия роста и распределения описывается в терминах эффективности и справедливости. Дискуссии по этому поводу ведутся до сих пор. Начиная с 1970-х гг. в странах с равномерным распределением дохода (Западной Европе и Скандинавии) на фоне замедления экономического роста (по сравнению с послевоенным периодом) наблюдается увеличение разрыва между богатыми и бедными. В развивающихся странах проблема неравенства куда более острая и далеко не всегда решается с помощью только лишь экономического роста (Hert, Priewe (2005)). В число других факторов снижения бедности входят динамика рынка труда, социальная политика, а также макроэкономические факторы – инвестиции, инфляция и обменный курс.

В постсоциалистических странах проблема бедности была наиболее актуальной в начале 1990-х гг., однако по мере трансформации бедность сокращалась. В странах бывшего СССР уровень бедности был выше, чем в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Беларусь также столкнулась с высокой бедностью в начале 1990-х гг., но потом по мере возобновления экономического роста острота проблемы заметно упала. В связи с этим белорусскими властями постоянно подчеркивалось, что одним из ключевых показателей экономического успеха страны являются высокие темпы роста ВВП. Ориентация на этот показатель представлялась как способ решения многих социальных проблем, с которыми Беларусь столкнулась в начале 1990-х гг. За 1996–2006 г. среднегодовые темпы роста ВВП в Беларуси составили 7.2%. Этот показатель превосходит все страны СНГ и сопоставим с темпами роста стран – лидеров трансформации. Источники экономического роста в Беларуси были проанализированы достаточно детально (Всемирный банк (2005); IMF (2005); Чубрик (2005)). Однако вопрос о том, привели ли столь высокие темпы роста к улучшению благосостояния тех, кто больше всего проиграл в процессе экономической трансформации, до сих пор практически не изучался. В то же время ответ на него представляется наиболее простой, но в то же время относительно надежной проверкой состоятельности «социальной ориентированности» белорусской экономической политики.

¹ Дополнительным критерием роста в пользу бедных является равное вовлечение мужчин и женщин в генерирование роста и получение выгод от него (OECD (2001)).

Данное исследование призвано ответить на следующие вопросы:

1) *Можно ли считать экономический рост в Беларуси ростом в пользу бедных?* Ответ на этот вопрос позволит проверить состоятельность заявлений о «социальной ориентации» белорусской экономической политики и значимость роста ВВП как показателя, характеризующего успех социально-экономической политики, проводимой в стране.

2) *Какие факторы определяют динамику уровня бедности в Беларуси?* Ответ на данный вопрос позволит понять, насколько устойчивыми являются успехи в снижении бедности, достигнутые Беларусью, какая политика должна проводиться, чтобы не допустить роста бедности, и какие существуют возможности для повышения уровня жизни наименее обеспеченного населения страны.

Для ответа на поставленные вопросы в работе проведен эконометрический анализ факторов снижения бедности, предлагаемых теорией или выявленных в других исследованиях. Кроме того, в работе сделана попытка выявления специфичных для Беларуси «функциональных эквивалентов» этих факторов, задаваемых параметрами социально-экономической политики. Такой анализ является ключом к выявлению новых возможностей для повышения уровня жизни наименее обеспеченных слоев населения.

Работа имеет следующую структуру. Во втором разделе сделаны некоторые концептуальные замечания, предвещающие последующий анализ. В частности, даны определения роста в пользу бедных, рассмотрены варианты порога бедности, а также проведен анализ литературы по вопросам влияния на бедность распределения дохода и макроэкономической стабильности. Для формулировки рабочих гипотез в третьем разделе рассмотрены макроэкономические режимы (как совокупность условий, необходимых для экономического роста) и возможности использования занятости и политико-делового цикла (ПДЦ) в качестве переменных, объясняющих динамику бедности в Беларуси. Сформулированные гипотезы тестируются в четвертом (факторы, определяющие динамику доходов бедных) и пятом (детерминанты уровня бедности) разделах работы. В шестом разделе на основе проведенного эмпирического анализа сделаны некоторые выводы для экономической политики. В заключении приведены основные выводы и предложены направления дальнейших исследований.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

2.1. Выбор определения бедности

Отправная точка дальнейшей исследовательской работы – выбор порога бедности. Распространены два подхода (Mingione (1996)). Согласно одному из них бедными считаются те, кто самостоятельно заявляет о своем недостаточном доходе, обращаясь в органы социальной защиты за материальной помощью. Второй подход предполагает установление определенного порога бедности (ниже среднего уровня, черты бедности, прожиточного минимума и т.д.). Этот порог может быть определен законодательно или использоваться неформально. Для постсоветских стран характерен второй подход, в то время как первый используется в развитых странах со стабильно функционирующей системой социальной защиты.

В случае установления черты бедности (официальной или неофициальной) домохозяйства с доходом ниже определенной границы, называемой «минимальный» или «требуемый» уровень дохода, признаются бедными. Например, Всемирный банк пользуется тремя показателями – 1, 2.15 и 4.3 долл. по ППС в день (для постсоветских стран обычно применяются 2.15 и 4.3 долл. в день (Всемирный банк (2001)). Однако данный показатель целесообразно использовать в качестве уровня бедности для международных сравнений.² Для анализа бедности в отдельно взятых странах более приемлемым выглядит использование страновых черт бедности, непригодных, однако, при международных сопоставлениях (Синицына (2006)).

² О проблемах с использованием черты бедности Всемирного банка в Беларуси см. раздел 4.1.1.

В литературе до сих пор не выработано единого подхода на счет странового порога бедности (Atkinson (1998)). Например, ОЭСР предлагает выбирать в качестве порога бедности уровень доходов менее 50% потребительской корзины «среднего» домохозяйства (OECD (2001)). Это предполагает ведение учета расходов домохозяйств в экономике. Однако здесь возникает проблема учета натурального хозяйства (к которому прибегают домохозяйства в случае сокращения денежного дохода). Кроме того, если доходы всех категорий населения растут (и, вследствие этого, стоимость «усредненной потребительской корзины» также увеличивается), то уровень бедности остается неизменным и изменения благосостояния не удастся отследить (Lipton (1995)). Схожий метод применяется в Лейденском опросе бедности, где респондентам задается вопрос о том, какой минимальный уровень дохода для семьи необходим, чтобы «свести концы с концами» (ответы затем соотносятся с реальными доходами домохозяйств).

При выборе порога бедности можно обратиться к опыту Польши. В начале 1990-х гг. там использовались показатели «минимума социальной обеспеченности». В 1995 г. была установлен «прожиточный минимум» (черта абсолютной бедности, ниже которой невозможно физическое существование) и в два раза превышающий его «социальный минимум» (куда входили потребление услуг, расходы на образование и здравоохранение и т.п.) (Beblo et al. (2002)). Исследования польской экономики, проводимые Всемирным банком (World Bank (1995)), неявно использовали минимальную пенсию как порог бедности, поскольку минимальная пенсия находилась на уровне примерно 35% от средней заработной платы. В 1996 г. эта величина была принята в качестве черты бедности, но впоследствии снижена до 20% (поскольку средняя заработная плата увеличилась). В Беларуси соотношение прожиточного минимума и оплаты труда схоже с польскими показателями. Прожиточный минимум как черта бедности используется в немногочисленных исследованиях бедности в Беларуси (см., например, Валевский, Чубрик (2001)), и будет использован в данной работе.

2.2. Определения роста в пользу бедных

В настоящее время широко распространена концепция «роста в пользу бедных» (*pro-poor growth*). В экономической литературе выделяют как минимум шесть трактовок концепции роста в пользу бедных (Hepp, Prieue (2005)). Наиболее простое и часто приводимое определение – это экономический рост, приводящий к любому (пусть даже и минимальному) увеличению доходов бедных, независимо от избранного порога бедности (Cord et al. (2004)). В этом случае устанавливается положительная связь между ростом и бедностью на основе скрытой предпосылки о том, что причиной экономического роста является более эффективное использование ресурсов. Поэтому улучшение в распределении и приводит к увеличению отдачи на использованные факторы производства, включая труд. ООН указывает на то, что ростом в пользу бедных может называться только рост, ведущий к «значительному» сокращению уровня бедности в той или иной стране (UN (2000)).

Однако ни аналитически, ни количественно не выработано универсального определения «значительности» сокращения бедности. Некоторые исследователи предлагают увязывать рост в пользу бедных с распределением. В этом случае рост приводит к опережающему росту доходов беднейших слоев населения по сравнению со средним уровнем дохода или уровнем дохода наиболее обеспеченных слоев. В этом случае можно выделить различные «степени» роста в пользу бедных. В одной из ранних работ по данному вопросу (Allhuwalia, Chenery (1974)) были использованы «взвешенные» показатели экономического роста. В частности, сравнивались темпы роста доходов в среднем по экономике с показателями роста доходов отдельных групп населения, «взвешенных» согласно их долям в общем объеме доходов. Институт проблем развития Университета Сассекса (IDS) увязывает изменения уровня бедности с двумя эффектами – роста и распределения: «смещение роста в пользу бедных определяется разностью между изменением количества бедных за период времени и измене-

нием бедности, которое произошло бы в случае, если бы все получили одинаковые выгоды» (IDS (1999)).

Таким образом, рост в пользу бедных часто увязывается с проблемами распределения и неравенства. Высокие темпы экономического роста не ведут автоматически к улучшению материальной обеспеченности бедных, поскольку при неизменных параметрах распределения национального дохода, уровень благосостояния беднейших слоев может не изменяться. В работе Adelman, Morris (1973) исследовались взаимосвязи между доходами 60% беднейших слоев населения 43 стран мира и динамикой их основных макроэкономических индикаторов, включая рост ВВП. Было установлено, что не существует автоматических «передаточных механизмов» от роста к бедности. Наоборот, в 1970-е гг. доходы относительно более богатых слоев населения росли быстрее, чем доходы людей со средним достатком, а также малообеспеченных. В этой связи Adelman (1975) указывает на важность «структурного контекста» экономического роста и описывает работу так называемых «передаточных механизмов» (*trickle-down effects*) – каналов передачи положительного воздействия экономического роста на уровень бедности в стране. Одним из важных выводов было то, что правительствам следует выработать и реализовать определенные стратегии перераспределения до того, как начнется рост ВВП.

В частности, стратегия борьбы с бедностью Всемирного банка в 1980-е гг. предлагала правительствам одновременно наращивать темпы экономического роста и сокращать бедность. Для этого были необходимы «структурные изменения», формирующие контекст политики борьбы с бедностью (Griffin, James (1981)). Однако в этом случае формально нарушается одно из правил макроэкономической политики, когда каждый инструмент должен быть «приписан» к одному из целевых показателей. Понятие эффективной рыночной классификации Манделла означает, «что каждая цель должна быть приписана к тому инструменту, который оказывает на нее наиболее сильное влияние и, таким образом, имеет сравнительные преимущества с точки зрения регулирования целевого показателя» (Сакс и Ларрен (1996)). Снижение бедности и сокращение неравенства в распределении за счет роста в пользу бедных требуют «компромиссов и промежуточных решений» (Herr, Priewe (2005)).

Более поздние исследования (Dollar, Kraay (2002)) подтверждают, что в целом рост ведет к снижению уровня бедности (т.е. доходы наименее материально обеспеченных групп населения растут). Однако чем выше уровень неравенства (до наступления экономического роста), тем меньше бедные выигрывают от экономического роста, и наоборот. Наконец, последствия экономического роста могут быть разными в зависимости от механизмов распределения дохода в экономике (Herr, Priewe (2005)).

2.3. Роль распределения дохода

Выше мы установили, что влияние экономического роста на бедность опосредованно факторами, определяющими распределение дохода. Его параметры задаются экономической политикой, однако ведущую роль в распределении дохода играет рынок труда. С одной стороны, создание условий для производительной занятости создает стимулы для входа на рынок труда безработных (среди которых бедность может быть высокой). С другой стороны, система установления заработной платы определяет уровень и распределение оплаты труда, которая зачастую является одним из основных источников доходов домохозяйств.

Традиционные модели экономического развития делали упор на модернизации (отход от аграрной экономики, индустриализация), ведущей к экономическому росту. В основе таких моделей лежали предположения о том, что в любом случае бедные и менее развитые секторы экономики выигрывают от роста в более производительных и современных секторах независимо от размеров последних (Emmerij (1981)). Однако со временем было установлено, что между модернизированными и отсталыми секторами не возникало «эффектов перелива», в то время как лишь небольшая «привилегированная» часть наемных работников имела работу на фоне безработицы и/или непроизводительной занятости.

С учетом этих проблем Международная организация труда (МОТ) в начале 1970-х гг. разработала Всемирную программу занятости (ILO (1976)), сделав упор на производительную занятость как катализатор снижения бедности и экономического развития в целом. Занятость также рассматривалась как фактор, оказывающий влияние на распределение доходов домохозяйств (как правило, снижение числа безработных ведет к снижению количества домохозяйств с «нулевым» доходом).

Стратегия МОТ в некоторой степени перекликается с опытом стран Западной Европы, которым удалось одновременно добиться высоких темпов экономического роста, увеличения реального дохода и снижения неравенства. Развитие капитализма со времени окончания второй мировой войны и до середины 1970-х гг. называется «золотой эрой», когда рост реальных доходов сочетался со снижением неравенства их распределения (Kenworthy (2004)). В политике распределения важную роль играла система налогообложения (поощрявшая сбережения и, соответственно, инвестиции) и трансферты правительства (в рамках «государства благосостояния»). Последние были важным элементом, побуждавшим организации, объединяющие наемных работников (федерации профсоюзов), ограничивать требования по заработной плате, чтобы избежать инфляционного давления, при этом инвесторы могли расходовать больше на инвестиции, а не зарплату своим работникам (Eichengreen, Iversen (1999)). Однако уже с середины 1970-х гг. экономический рост замедлился, что сопровождалось увеличением неравенства распределения дохода. В частности, доходы наименее обеспеченных и среднеобеспеченных слоев населения росли менее высокими темпами, чем доходы более обеспеченных слоев (Kenworthy (2004)).

В литературе выделяют целый ряд факторов, которые препятствуют сокращению неравенства, несмотря на экономический рост (см., например, Iversen (1999; 2005)). Во-первых, это изменения в характере производственных процессов. В послевоенную эпоху «фордистские» способы массового производства и потребления строились на использовании рабочей силы с примерно одинаковыми навыками (что способствовало более равномерному распределению оплаты труда и, кроме того, ограничивало конфликты по поводу распределения между разными секторами экономики). Технологические изменения и рост значимости сектора услуг изменили характер занятости. Выделилась группа работников (инженерно-технические и управленческие работники) с более высокой производительностью труда и, как следствие, требовавших увеличения заработной платы. Коллективные договоры в рамках федераций профсоюзов оказались «тесными» для их требований по зарплате, что дало толчок к децентрализации системы коллективных переговоров, ранее «сжимавшей» оплату труда (Iversen (1998); Cox (2002)). Решением проблемы стала некоторая децентрализация рынков труда.³ В то же время в постоянно растущем секторе услуг производительность труда и, соответственно, заработная плата были ниже, чем в промышленности. Общим итогом стало увеличение разницы в оплате труда и неравенства распределения дохода.

Вторым важным фактором роста неравенства стало открытие азиатских рынков во время кризиса 1970-х гг., когда снижение отдачи на инвестиции западных компаний заставило искать их новые площадки для размещения своих производственных мощностей. Ими стали страны Юго-Восточной Азии, где уровень оплаты труда был намного ниже.

Таким образом, экономический рост в развитых странах сопровождался увеличением неравенства в силу ряда структурных факторов. К ним можно отнести технологические изменения, вызвавшие рост производительности труда и фрагментацию рабочей силы, а также расширение сектора услуг, приведшие к децентрализации коллективных переговоров по заработной плате, и, наконец, глобализацию, давшую возможность переноса производственных площадок в развивающиеся страны.

Возможности правительства по борьбе с неравенством распределения дохода с целью снижения бедности ограничены демографическими и социальными факторами. Во-первых,

³ В настоящее время гибкость рынков труда рассматривается как эффективное решение проблем занятости. При этом есть свидетельства сочетания гибких рынков труда с системой социальной защиты (датская и голландская модели).

снижение рождаемости при увеличении продолжительности жизни привели к тому, что пенсионные выплаты увеличились, в то время как облагаемая база стала меньше. При этом в демократических странах сокращение пенсионных выплат практически невозможно осуществить – избиратели просто не допустят этого.⁴ Во-вторых, повышение возраста вступления в брак и увеличение числа разводов привели к тому, что все больше домохозяйств в развитых странах имеют только одного занятого. Далее, наблюдается и феномен «брачной гомогамии», когда люди с высшим образованием (и более высоким уровнем доходов) вступают в брак между собой; аналогичная ситуация наблюдается и среди людей с базовым (школьным) образованием (чьи доходы меньше), что также ведет к росту неравенства в доходах.

Старение населения, социальные факторы и замедление роста производительности труда можно было бы «исправить» увеличением фискальной нагрузки на работающих. Однако эта мера также затруднена вследствие «налоговой конкуренции», обостряющейся по мере роста мобильности капитала. Свидетельством этому является прогрессивное сокращение налогов на капитал и расширение налоговой базы, а также рост нагрузки на менее мобильный фактор производства – труд.

Для многих современных авторов (Esping-Andersen (1999); Ferrera, Hemerijk, Rhodes (2000); Scharpf, Schmidt (2000); Kenworthy (2004)) решение проблемы неравенства и бедности кроется в политике увеличения занятости. Рост занятости является эффективным заменителем политики перераспределения. С одной стороны, он позволяет увеличить налоговые поступления без увеличения налоговых ставок. С другой стороны, получатели трансфертов, т.е. наименее обеспеченные слои населения, становятся занятыми и снижают спрос на социальную защиту, что позволяет сократить социальные расходы правительства. Таким образом, наряду с экономическим ростом занятость и заработная плата могут быть важными факторами снижения бедности.

2.4. Роль макроэкономической стабильности

Выше были рассмотрены некоторые теоретические конструкции, основанные на опыте развитых стран. Однако развитые, и развивающиеся, а также постсоветские страны следует рассматривать как «денежные экономики», функционирующие в международном и региональном контекстах. Особенностью этих контекстов является своеобразная «иерархия валют» (Heit (1997)), «качество» которых определяется, помимо иных факторов, ценовой стабильностью (Cohen (2004)).

Проблемой многих развивающихся и переходных стран была высокая инфляция, которая сделала привлекательными валюты других стран как средство сохранения стоимости, средство сбережения или даже как средство обращения. Долларизация и бегство капитала означают, что экономические участники все меньше желают финансировать производственные процессы внутри страны. Результатом может стать рецессия, падение доходов населения и, соответственно, рост бедности. Таким образом, ценовая стабильность является необходимым условием устойчивого функционирования «денежной экономики», а макроэкономическая стабильность служит предпосылкой снижения бедности.

Кроме того, инфляция несет в себе серьезные перераспределительные эффекты. Целый ряд исследований показывает, что инфляция более всего ударяет по бедным. Она ведет к росту доли домохозяйств с самым низким доходом (Romer, Romer (1998)). В работе Истерли и Фишера (Easterly, Fischer (2001)) показано, что в условиях высокой инфляции наблюдается снижение доходов наименее обеспеченных слоев населения, рост уровня бедности и падение минимальной заработной платы. Основным аргументом в пользу того, что инфляция сильнее затрагивает бедных, а не богатых, авторы считают способность более обеспеченных защищать себя от инфляции в большей степени, нежели менее обеспеченных, поскольку у бога-

⁴ Конечно, рост производительности труда и, соответственно, реальной заработной платы, позволил бы уменьшить фискальное давление. Однако с 1970-х и до конца 1990-х гг. развитые страны сталкиваются с замедлением роста производительности труда (Maddison (2001)).

тых есть более широкие возможности доступа к финансовым инструментам, которые «страхуют» их от инфляции. Доходы бедных не позволяют им сберегать деньги с помощью финансовых инструментов. Они, как правило, сберегают средства в наличной форме (если сберегают вообще). Кроме того, бедные часто полагаются на социальные трансферты, которые не всегда индексируются в соответствии с ростом цен.

Более сильное негативное влияние инфляции на бедных обусловлено тем, что они часто не имеют активов, способных защитить их от инфляции. Как правило, они могут предлагать только свой (не всегда квалифицированный) труд. Цена последнего определяется теми инвестициями, которые они сделали в человеческий капитал. Бедные часто образованы хуже, чем богатые, что делает их уязвимыми в случае инфляции. В свою очередь, низкие доходы не позволяют им инвестировать в собственный человеческий капитал, что создает «локальную» ловушку нищеты (Easterly (2002)).

Однако в своей работе Истерли и Фишер исходят из заданных параметров распределения дохода, сложившихся до наступления инфляции и обусловленных «институтами и специфической историей той или иной экономики». Кроме того, авторы подчеркивают, что не существует четко установленной причинно-следственной связи между инфляцией и материальной обеспеченностью бедных. Они указывают на сложные механизмы взаимодействия, включая систему налогообложения. В целом, отмечают они, «вопрос должен [быть решен] эмпирически». В частности, в развивающихся странах домохозяйства способны приспособиться к ухудшению своего материального положения посредством ведения натурального хозяйства, снижения потребления продуктов питания и, наконец, поиска нового рабочего места или занятости (Fizbein, Giovagnoli, Adúriz (2002)).

Аналогичный эффект на доходы бедных оказывает девальвация. Девальвация привела к росту бедности в Аргентине после финансового кризиса 2000-х гг. (Goldschmit, Vezza (2006)). Исследование последствий девальвации в Джибути (Casero, Seshan (2006)) показало, что она ведет к замедлению роста доходов бедных, а также (косвенно) к снижению их реальных доходов. Как и от инфляции, богатые способны защитить себя от девальвации более надежно, чем бедные.

2.5. Вариативность инфляции

Исследование динамики реальных доходов бедных заставляет обратиться к проблеме выбора ценового дефлятора. Индекс потребительских цен дает усредненную картину, поскольку не учитываются различия в структуре потребления домохозяйств и, как следствие, в уровнях жизни в зависимости от получаемого дохода. В частности, в работе Grimm, Gunther (2005) отмечается, что ИПЦ не всегда может подходить в качестве дефлятора для доходов бедных, поэтому предлагается использовать дефляторы, специфические для каждой группы населения. «Среднее» домохозяйство и бедное домохозяйство могут сталкиваться с разными ценами. Более того, часто ИПЦ соответствует структуре потребления более богатых домохозяйств, т.е. в национальных счетах усредненная структура потребления построена на потреблении богатых слоев населения (Deaton (1998)).

В работе Crawford, Smith (2002) на примере Великобритании показано, что средний уровень инфляции – недостаточно хороший индикатор для оценки благосостояния домохозяйств с разными уровнями доходов. С 1976 по 2000 гг. в Великобритании около одной трети домохозяйств сталкивались с уровнем инфляции на 1 процентный пункт выше, чем ИПЦ. В 1989 г. число таких домохозяйств было равно 9%, а в 1994 г. – 65%. С 1976 по 2000 гг. для самых бедных домохозяйств уровень инфляции составлял 6.8%, в то время как для самых богатых – 7.1%. Поэтому необязательно, что бедные всегда сталкиваются с более высокой инфляцией. В целом в работе делается заключение, что если не принимать во внимание вариативность инфляции, то выводы относительно снижения бедности могут быть неверными, а неравенство окажется либо недооцененным, либо переоцененным.

3. УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ СНИЖЕНИЯ БЕДНОСТИ

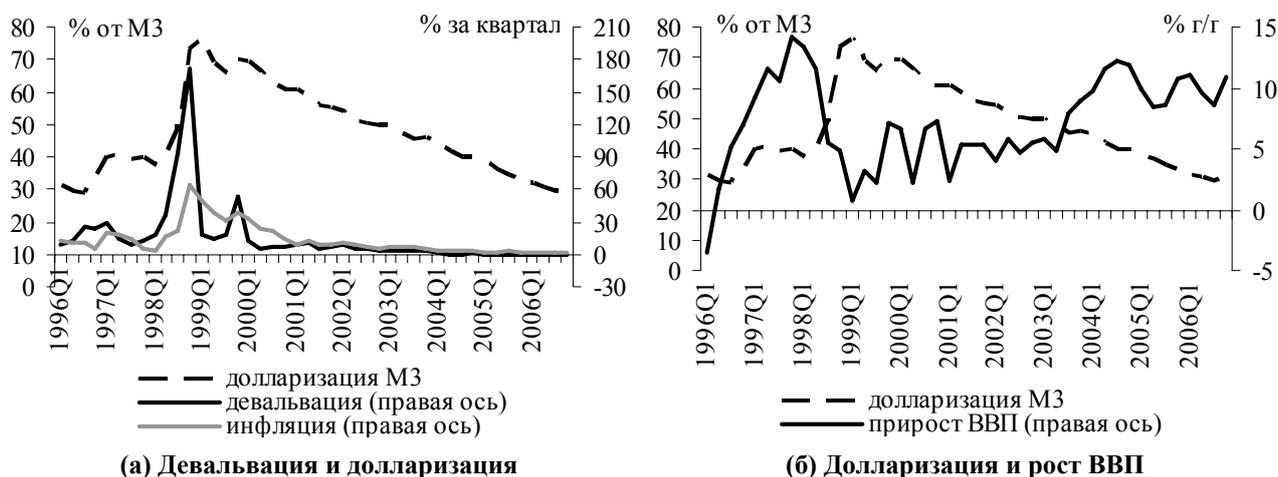
3.1. Макроэкономические режимы

Для характеристики макроэкономических условий, обуславливающих связь между экономическим ростом, обеспеченностью и неравенством, используется понятие макроэкономического режима. Макроэкономический режим – это совокупность макроэкономических параметров и их взаимодействия, включая экономические институты, которые способствуют экономическому росту или спаду (Herr, Priewe (2005)). Макроэкономические режимы не подвержены краткосрочным изменениям, скорее, от них зависят стабильность и рост в среднесрочном (как правило, от 5 до 10 лет) периоде, что как раз соответствует периоду, рассматриваемому в данном исследовании. Рост ВВП считается важнейшим фактором снижения бедности, так что макроэкономические условия для экономического роста – ключ к снижению бедности.

В Беларуси с 1992 по 2006 гг. можно выделить три макроэкономических режима (Гайдук и др. (2004)). На начальном этапе трансформации экономики преобладал режим гиперинфляции (начался в 1992 г.), характеризующийся сочетанием инфляции, девальвации и относительно высокого уровня совокупного спроса. Основной особенностью данного режима была спираль «девальвация – зарплата – цены – инфляция». Высокий совокупный спрос, девальвация и рост номинальной заработной платы стимулировали друг друга, что привело к гиперинфляции. Она во многом и обусловила рост долларизации белорусской экономики, начавшейся после распада СССР во многих его бывших республиках (Haiduk (2007a)). Потеряв сбережения в национальной валюте и столкнувшись с инфляцией, домохозяйства стали хранить их в долларах США. Растущая долларизация, девальвация и чрезмерный спрос (финансируемый за счет аккомодационной политики Национального банка) стимулировали ускорение инфляции.

Однако гиперинфляция не может продолжаться слишком долго – она ведет к распаду денежной системы страны (как это случилось в Германии в 1923 г.) и рецессии. Гиперинфляционный режим сменяется режимом подавленного развития, когда дефицит текущего счета обуславливает девальвацию и сохранение высокой долларизации. Реальные процентные ставки в условиях такого режима могут быть слишком высокими, что ограничивает инвестиции и ведет к замедлению экономического роста или спаду. Проблема выхода из режима подавленного развития состоит в том, что весьма сложно создать национальную валюту, которая бы принималась всеми экономическими участниками внутри страны. Естественно, стабильный уровень цен (низкая инфляция) и устойчивый валютный курс могут вести к снижению долларизации, процентных ставок и улучшению качества национальной валюты. Однако это не происходит немедленно. Как правило, после гиперинфляции и нестабильности экономические участники предпочитают занимать «выжидательную позицию» (Dornbusch (1990)). Макроэкономический режим подавленного развития наблюдался в Беларуси с 1996 по 1999 гг.

Начиная с 2000 г. на фоне снижения темпов девальвации и сокращения масштабов долларизации наблюдались замедление роста цен и ускорение экономического роста (рис. 3.1). Однако Беларусь так и не вышла из режима подавленного развития окончательно. Несмотря на значительное снижение, долларизация остается высокой по международным стандартам (25% – это уже критический уровень). Индикатором недоверия к национальной валюте может быть ситуация конца 2006 – начала 2007 гг., когда неопределенность результатов переговоров с Россией о цене газа и нефти привела к «набегу на банки», правда, относительно незначительному. Это проявилось в оттоке рублевых депозитов населения и росте покупки наличной иностранной валюты. Для удовлетворения спроса на валюту Национальный банк был вынужден продать часть золотовалютных резервов, а затем, чтобы восстановить их, приобретал иностранную валюту у коммерческих банков, увеличивших заимствования за границей. Прежняя привлекательность национальной валюты не была полностью восстановлена даже после повышения процентных ставок по рублевым инструментам сбережений – в середине 2007 г. рост валютных депозитов опередил рост вкладов в национальной валюте.

Источник: Министерство статистики и анализа (прирост ВВП), расчеты на основе данных Национального банка и Исследовательского центра ИПМ (девальвация и долларизация).

Рис. 3.1. Девальвация, долларизация и экономический рост в 1996–2006 гг.

3.2. Политико-деловой цикл

Еще одной особенностью экономической политики в Беларуси является вмешательство государства в функционирование экономики, принятие инвестиционных и управленческих решений, а также регулирование рынка труда (включая занятость и установление заработной платы). Однако оно подчинено конкретной цели – повышению электоральной поддержки накануне важных политических событий, таких как президентские выборы или конституционные референдумы (Чубрик, Джуччи (2006)). Поэтому в Беларуси социально-экономическая политика создает политико-деловой цикл в экономике.

В развитых странах возможности политического манипулирования экономикой ограничены. Одним из существенных ограничителей является независимость центрального банка, так что возможности для монетизации бюджетного дефицита очень малы. Кроме того, повышение мобильности капитала делает экономическую политику чувствительной к предпочтениям инвесторов, которые отслеживают динамику основных макроэкономических индикаторов, включая инфляцию, государственный и внешний долг (Mosley (2003)). В развитых странах правительства часто воздерживаются от нарушения макроэкономической стабильности. В работе Iversen, Soskice (2006) это объясняется стремлением политиков максимизировать благосостояние своих избирателей не в краткосрочном, а в средне- и долгосрочном периодах. Авторы обнаруживают, что на практике правительства манипулируют экономикой намного реже, чем это предсказывает теория политико-делового цикла. Это связано с типом политической системы (мажоритарной или пропорциональной) и экономическими институтами (из которых важную роль играет система установления заработной платы).

В Беларуси же политико-деловой цикл оказался политически эффективным средством управления экономикой, что связано с внешними и внутренними экономическими условиями и социально-политической системой, сложившейся в стране. Действие политико-делового цикла наиболее заметно на рынке труда (Гайдук и др. (2006)); Haiduk (2007b); Крук, Пелипась, Чубрик (2006)). Это может быть своеобразным «функциональным эквивалентом» политики гибкости рынка труда, проводимой в развитых странах. По крайней мере, их цели одинаковы – поддержание или увеличение уровня благосостояния. Поэтому анализ макроэкономических режимов, оказывающих влияние на уровень материальной обеспеченности через такие параметры как девальвация, заработная плата и инфляция, следует дополнить анализом институционально-правовых аспектов экономического регулирования.

3.3. Занятость и социальные трансферты

Одной из особенностей макроэкономической политики в Беларуси было сохранение полной формальной занятости. В то же время законодательство в сфере регулирования занятости не менялось в сторону большей гибкости (за исключением введения краткосрочных контрактов). Поэтому на предприятиях сохранялась «излишняя» численность. Согласно приблизительной экспертной оценке Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), в 2002–2003 гг. численность «лишних» работников достигала 1 млн человек.⁵ Поскольку предприятия продолжали финансировать социальную сферу, то занятость означала для многих доступ к материальным благам, предоставляемым на предприятии. Однако, несмотря на простои, административные отпуска и низкую оплату труда, работники не лишались средств к существованию (Гайдук и др. (2006)).

В Беларуси с начала 1990-х гг. стала формироваться неформальная экономика (поначалу торговля и сектор услуг), поэтому работники могли «числиться» на предприятиях (не прерывая своего трудового стажа, необходимого для начисления пенсии), и использовать «свободное» время для работы «на стороне». Кроме этого, работники могли числиться на предприятиях как работающие полный рабочий день, но по устной договоренности с нанимателем трудились на условиях самозанятости и вторичной занятости. Согласно оценке МВФ, доходы от незарегистрированного бизнеса и иных видов деятельности (включая ведение «натурального хозяйства») достигали около одной трети доходов домохозяйств (IMF (2002)). Таким образом, формальная занятость не всегда являлась источником снижения бедности в Беларуси.

Более того, отсутствие границы с Российской Федерацией открыло для белорусских граждан дополнительные возможности занятости и получения дохода. В основном это участие на полуправильном рынке рабочей силы в сфере услуг (строительство). К сожалению, статистических оценок масштабов данного явления не ведется – согласно информации Министерства труда и социальной защиты в 2004 г. лишь около 5000 граждан Беларуси официально работали по договорам в России. В то же время другие оценки говорят о гораздо более высокой численности белорусских «нелегалов». По оценкам НИСЭПИ в 2003 г. 300–400 тыс. человек так или иначе занятых в теневом секторе, что составляет 6.7–8.9% от экономически активного населения в 2003 г. Первое обследование рабочей силы, проведенное Министерством труда и социальной защиты, показало, что примерно 117 тыс. человек (около 2.7% экономически активного населения) работали за границей, в основном в России (98 тыс.).⁶ Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел называет цифру в 300 тыс. белорусских граждан, нелегально работающих в России (около 7% экономически активного населения). Общее количество занятых в неформальном секторе, согласно данным обследования рабочей силы, составляет около 960 тыс. человек (560 тыс. человек – по данным Выборочного обследования домохозяйств) (Центр развития (2006)).

Таким образом, можно говорить об отсутствии надежных данных об уровне занятости и безработицы за рассмотренный период. Наиболее качественными являются данные, которые можно получить на основе Выборочного обследования домохозяйств (Министерство статистики и анализа (2006b)). Подобный ряд занятости (квартальные данные, полученные из годовых данных) использовался в работе Крук, Пелипась, Чубрик (2006) для построения производственной функции. В данной работе было показано, что в долгосрочном периоде занятость является фактором роста ВВП. Поэтому в данной работе влияние занятости на бедность рассматриваться не будет, исходя из предположения о ее косвенном влиянии на бедность через рост ВВП.

В то же время другой показатель функционирования рынка труда – заработная плата – будет рассматриваться как фактор, влияющий на динамику бедности, поскольку способность получать доход является источником ее снижения. Во-первых, данные выборочного обследова-

⁵ Национальная экономическая газета», №21(638), 21 марта 2003 г.

⁶ По информации Белорусских новостей, http://naviny.by/rubrics/economic/2006/11/17/ic_articles_113_148705/.

дования домохозяйств показывают, что основным источником доходов для многих из них является именно заработная плата (59.5% дохода «среднего» домохозяйства). Вторым по значимости источником дохода для домашних хозяйств являются пенсии (20.9%). Удельный вес остальных социальных трансфертов незначителен, поэтому их влияние на динамику бедности рассмотрено не будет. Во-вторых, поскольку указанные источники дохода являются основным фактором изменения благосостояния населения, у правительства есть серьезные стимулы таргетировать именно эти показатели в рамках политико-делового цикла.

3.4. Некоторые итоги и рабочие гипотезы

Подводя итог обзору литературы, можно сказать, что политика снижения бедности направлена на увеличение темпов экономического роста при снижении неравенства распределения дохода через социальные трансферты и налогообложение. Кроме того, в настоящее время возросло внимание к рынку труда, в частности, к политике стимулирования занятости как инструменту борьбы с бедностью. В развитых странах гибкость рынка труда часто видится способом решения проблемы бедности и ключом к повышению благосостояния. В развивающихся и переходных странах острота проблемы бедности и неравенства зависит скорее от макроэкономического контекста, задающего параметры роста ВВП в среднесрочной перспективе и определяющего темпы инфляции и девальвации, которые ведут к негативным перераспределительным эффектам. Графически связи между основными факторами снижения бедности представлены на рис. 3.2.

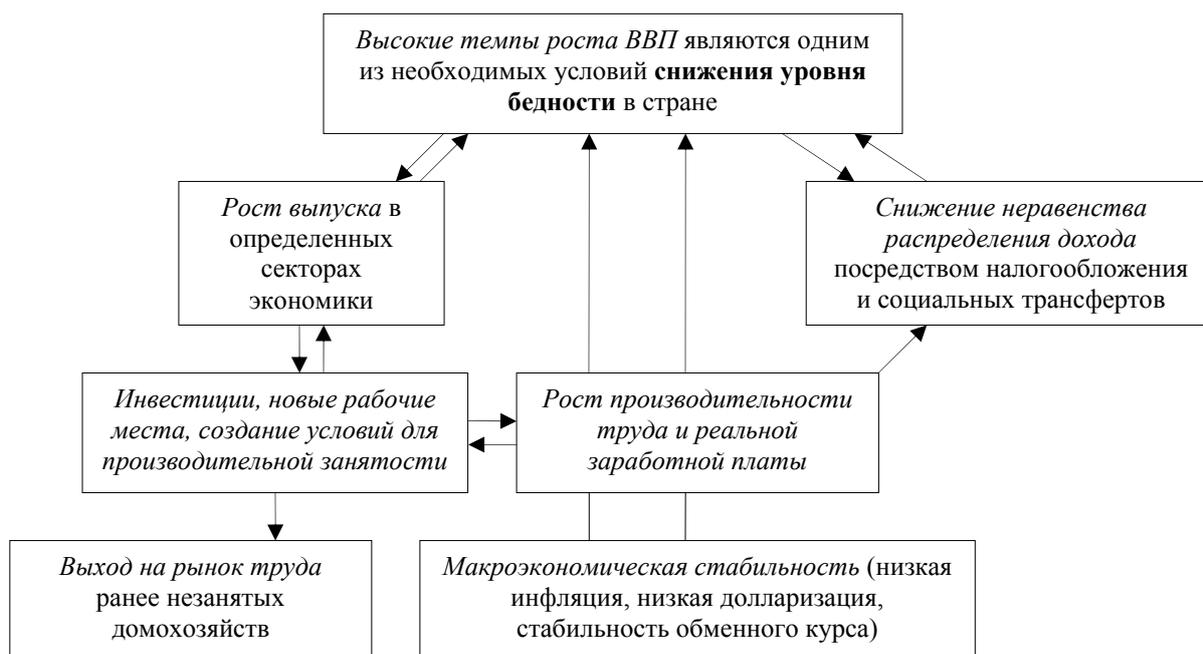

Рис. 3.2. Экономический рост, бедность и неравенство: основные взаимосвязи

На основе проведенного анализа литературы и рассмотренных особенностей белорусской экономики в оставшейся части работы будут проверены следующие гипотезы:

Гипотеза 1. Рост ВВП оказывал неодинаковое влияние на доходы бедных, богатых, и граждан со средним уровнем дохода. Социальная «направленность» экономической политики проявлялась в более быстром росте доходов бедных в расчете на 1% прироста ВВП, чем доходов богатых или граждан со средним доходом (т.е. экономический рост в Беларуси был ростом в пользу бедных).

Гипотеза 2. Девальвация негативно влияла на доходы бедных и не влияла (влияла в меньшей степени) на доходы богатых.

Гипотеза 3. Для Беларуси характерна вариативность инфляции, причем цены на товары и услуги для бедных домохозяйств растут быстрее, чем для домохозяйств со средним и высоким уровнем дохода.

Гипотеза 4. Политико-деловой цикл оказывает влияние на реальные доходы и уровень бедности в Беларуси.

Гипотеза 5. Политика перераспределения дохода играла важную роль в борьбе с бедностью в Беларуси.

4. ВЛИЯНИЕ ДИНАМИКИ ВВП НА БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

4.1. Данные

4.1.1. Источники данных и их особенности

Данные, характеризующие уровень жизни населения, должны соответствовать минимальным стандартам качества. В работе Deininger, Squire (1996) выделяются следующие критерии: данные должны (1) собираться на основе выборочных обследований домашних хозяйств, (2) охватывать все группы населения и (3) содержать информацию обо всех источниках дохода. Данные выборочного обследования домохозяйств, проводимого в Беларуси Министерством статистики и анализа с 1995 г., соответствуют этим критериям. Они не только дают информацию об уровне дохода различных групп населения, но и позволяют рассчитать показатели, характеризующие неравенство распределения дохода.

Таблица 4.1

Используемые данные

Обозначение	Показатель	Источник данных
1. <i>CAVER</i>	средний доход (располагаемые ресурсы), долл. США	Выборочное обследование домохозяйств
2. <i>CD10</i>	средний доход (располагаемые ресурсы) наиболее обеспеченных 10% населения, долл. США	Выборочное обследование домохозяйств
3. <i>CGDPPC</i>	ВВП на душу населения, долл. США	расчеты на основе данных Министерства статистики и анализа
4. <i>CPI</i>	индекс потребительских цен	Министерство статистики и анализа
5. <i>CPOOR</i>	средний доход (располагаемые ресурсы) наименее обеспеченных 30% населения, долл. США	Выборочное обследование домохозяйств
6. <i>FPI</i>	индекс цен на продовольственные товары	Министерство статистики и анализа
7. <i>FUNDS</i>	коэффициент фондов ¹	Министерство статистики и анализа
8. <i>GINI</i>	индекс Джини	Выборочное обследование домохозяйств
9. <i>NER</i>	номинальный обменный курс к доллару США, ² индекс, 2000 г. = 1	Расчеты на основе данных Национального банка и Исследовательского центра ИПМ
10. <i>NFPI</i>	индекс цен на непродовольственные товары	Министерство статистики и анализа
11. <i>POV</i>	уровень бедности, % населения	Выборочное обследование домохозяйств
12. <i>RGDPPC</i>	реальный ВВП на душу населения, руб. в ценах 2000 г.	Министерство статистики и анализа
13. <i>RMW</i>	реальная минимальная зарплата, руб. в ценах 2000 г.	Министерство статистики и анализа
14. <i>RP</i>	реальная среднемесячная назначенная пенсия, руб. в ценах 2000 г.	Министерство статистики и анализа
15. <i>RW</i>	реальная среднемесячная зарплата, руб. в ценах 2000 г.	Министерство статистики и анализа
16. <i>UPI</i>	индекс цен на услуги ЖКХ	Министерство статистики и анализа

Примечания.

¹ отношение среднего дохода наиболее обеспеченных 10% населения к среднему доходу наименее обеспеченных 10% населения.

² 1996–2000 гг. – рыночный обменный курс (данные Исследовательского центра ИПМ), 2001–2006 гг. – средневзвешенный обменный курс (данные Национального банка).

Источниками данных, используемых в работе (табл. 4.1), являются Министерство статистики и анализа (ВВП, заработная плата и население), Выборочное обследование домохозяйств (данные об уровне дохода различных групп населения, уровне бедности и неравенстве распределения дохода), Национальный банк (обменный курс) и Исследовательский центр ИПМ (обменный курс за период существования множественности обменного курса, когда официальные данные не отражали реальной стоимости денег).

Уровень ВВП на душу населения за 1995–2000 гг. оценивался Министерством статистики и анализа в постоянных ценах 1995 г., за 2000–2006 гг. – в постоянных ценах 2000 г. Чтобы получить непрерывный ряд, данные за 1995–2000 гг. были пересчитаны исходя из темпов роста этих показателей к уровню ВВП в 2001 г. Квартальные данные о численности населения были получены на основе годовых данных исходя из предпосылки о равномерной динамике данного показателя в течение года.

Разбивка населения на группы в зависимости от уровня дохода осуществлялась следующим образом. Исходя из того, что в среднем уровень бедности за рассматриваемый период составлял 32.8%, в качестве меры благосостояния наименее обеспеченных граждан рассматривался средний доход (располагаемые ресурсы⁷) 30% беднейшего населения. Мерой благосостояния наиболее обеспеченной части общества стал средний доход последнего дециля, поскольку только он значительно отличается от предыдущего (в 1.6 раза, в то время как 9-й дециль отличается от 8-го всего в 1.2 раза).

В рассматриваемый период в Беларуси применялся режим множественного обменного курса (с 1996 по 2001 гг.). Поэтому на протяжении существования данного режима использовался рыночный курс, полученный на основе ежемесячных данных (источник – Исследовательский центр ИПМ), а с 2002 г. – средневзвешенный курс белорусского рубля к доллару США (источник – Национальный банк). На основе этих данных об обменном курсе рассчитывались долларовые показатели ВВП и доходов различных групп населения.

Индекс Джини рассчитывался по децилям населения на основе данных Выборочного обследования домохозяйств о средних располагаемых ресурсах каждого дециля. Аналогичная методика применяется Министерством статистики и анализа. Поскольку внутри децилей доход распределен довольно равномерно, расчет на основе такой методики и на основе данных о располагаемых ресурсах каждого домохозяйства практически совпадают. Коэффициент фондов также рассчитывался на основе располагаемых ресурсов.

Уровень бедности в Беларуси в данной работе оценивался как удельный вес населения, имеющего располагаемые ресурсы (т.е. денежные и натуральные доходы)⁸ ниже прожиточного минимума для семьи из четырех человек, который является официальной чертой бедности. До 1999 г. прожиточный минимум рассчитывался как 60% от бюджета прожиточного минимума, а в 1999 г. постановлением Совета министров был установлен перечень товаров и услуг, которые входят в корзину прожиточного минимума.⁹

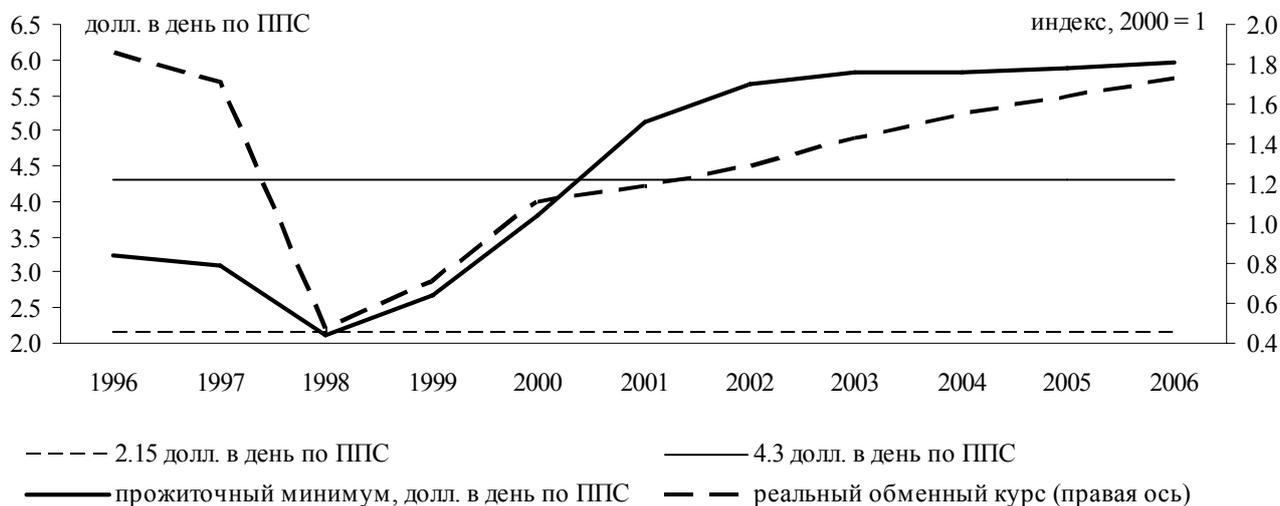
В качестве альтернативной черты бедности используются, например, показатели в 2.15 и 4.3 долл. по ППС в день (Всемирный банк (2001)). Однако в странах с активным вмешательством государства в процесс ценообразования (Беларусь является одной из таких стран, см. раздел 6.2) обследования цен, формирующих корзину для расчета ППС, как правило, дают результаты, которые занижают уровень бедности (Синицына (2006)). Для Беларуси черта бедности в 2.15 долл. по ППС в день меньше прожиточного минимума на всем анализируемом интервале (за исключением 1998 г., рис. 4.1). Более адекватной могла бы быть черта бедности в 4.3 долл. по ППС в день. Однако на анализируемом интервале она вначале выше,

⁷ Согласно определению Министерства статистики и анализа, располагаемые ресурсы – это денежные средства семей, включая стоимость потребленных продуктов питания, произведенных в личном подсобном хозяйстве за минусом материальных затрат на их производство, и стоимость предоставленных в натуральном выражении социальных льгот и дотаций (Министерство статистики и анализа (1999)).

⁸ В официальных источниках термин «бедность» не применяется. Вместо него используется термин «малообеспеченность». Далее термины «располагаемые ресурсы» и «доходы» будут использованы как синонимы.

⁹ В среднем за 1999–2006 гг. соотношение прожиточного минимума к минимальному потребительскому бюджету составило 63.2%, т.е. оценки за предыдущие годы были относительно корректными.

затем ниже официальной черты бедности (рис. 4.1). Причем профиль прожиточного минимума, измеренного в долларах по ППС, практически повторяет профиль реального обменного курса белорусского рубля к доллару США. Это означает, что в условиях реального укрепления белорусского рубля фиксированная в долларах по ППС черта бедности не отражала удорожания корзины потребления малоимущих белорусских семей.¹⁰ Таким образом, прожиточный минимум больше подходит для измерения национального уровня бедности, чем показатели, используемые Всемирным банком для международных сопоставлений.

Примечание. Курс доллара по ППС рассчитывался на основе данных об уровне ВВП в белорусских рублях (в текущих ценах) и уровне ВВП в долл. по ППС (World Economic Outlook database (апрель 2007 г.)). Реальный обменный курс белорусского рубля к доллару США

Источник: расчеты на основе данных Всемирного банка, Национального банка Беларуси, Министерства статистики и анализа, Исследовательского центра ИПМ и World Economic Outlook database.

Рис. 4.1. Прожиточный минимум в сравнении с чертами бедности Всемирного банка

Анализ влияния ВВП на доходы населения будет проводиться на основе показателей, измеренных в долларовом эквиваленте. Проблема с анализом реальных показателей заключается в сложности подбора дефлятора для группы населения с высоким доходом (10-го дециля). Единственным адекватным дефлятором, который может использоваться для среднего дохода, является ИПЦ, поскольку корзина товаров и услуг, на основе которой он рассчитывается, отражает структуру расходов среднего индивида. Для двух других групп – беднейшего и наиболее обеспеченного населения – дефлирование дохода по ИПЦ будет давать искаженную динамику реальных показателей. В частности, в 2006 г. удельный вес расходов на продукты питания в потребительских расходах среднего домохозяйства составлял 40.2% по сравнению с 47.0 и 33.8% у наименее и наиболее обеспеченных квинтилей домохозяйств. При этом за 2006 г. цены на продукты питания выросли на 6.1%. Таким образом, вклад продуктов питания в прирост индекса потребительских цен, рассчитанного для каждой из этих групп, должен был бы составить 2.87 и 2.06 процентного пункта соответственно (2.45 процентного пункта – вклад роста цен на продукты питания в прирост ИПЦ). Аналогичная ситуация была характерна для вклада роста цен на услуги ЖКХ в прирост ИПЦ. Удельные веса данных расходов в расходах среднего домохозяйства и наименее (наиболее) обеспеченных квинтилей домохозяйств составили в 2006 г. 8.8, 11.2 и 7.4% соответственно. Следовательно, прирост цен на услуги ЖКХ на 14.1% в 2006 г. внес 1.24 процентного пункта в прирост ИПЦ и 1.58 и 1.04 процентного пункта в прирост индекса потребительских цен для нижней и

¹⁰ Вероятно, это связано с особенностями корзин ППС и прожиточного минимума – в последнюю входят не только торгуемые товары и услуги, но и такие неторгуемые услуги, как, например, услуги ЖКХ, значительно подорожавшие в 2002–2003 гг.

верхней квинтилей соответственно. Очевидно, подобные корректировки только указывают на наличие проблемы: потребительские корзины наименее и наиболее обеспеченных домохозяйств практически не совпадают, что делает неприемлемым использование скорректированных таким образом индексов в качестве дефляторов.

4.1.2. Динамические характеристики данных

Для анализа динамических характеристик данных и последующего эконометрического анализа использовались натуральные логарифмы переменных, скорректированных на сезонность, и их первые логарифмические разности.

Анализ порядка интегрированности переменных проводился при помощи теста Дики-Фуллера (Dickey, Fuller (1979)). Если он давал противоречивые результаты, дополнительно использовались тест Квятковского-Филлипса-Шмидта-Шина, *KPSS* (Kwiatkowski et al. (1992)), который является прямым тестом на стационарность, а также *GLS*-тест Дики-Фуллера (тест Элиота-Роттенберга-Стока, Elliot et al. (1996))¹¹.

Таблица 4.2

Результаты тестирования на единичный корень

Переменная ¹	Уровни			Первые разности		
	<i>t-ADF</i>	спецификация ²	<i>F-LM</i> (длина лага) ³	<i>t-ADF</i>	спецификация	<i>F-LM</i> (длина лага)
<i>spoor_sa</i>	-2.13	<i>C, T</i>	0.14 (1)	-4.18** ⁴	--	0.17 (0)
<i>caver_sa</i>	-2.51	<i>C, T</i>	0.27 (1)	-4.03**	--	0.33 (0)
<i>cd10_sa</i>	-2.35	<i>C, T</i>	0.12 (0)	-4.20**	--	0.88 (0)
<i>ner_sa</i>	-2.43* ⁵	--	0.30 (1)	-3.58*	<i>C, T</i>	0.42 (0)
<i>cgdppc_sa</i>	-2.31	<i>C, T</i>	0.36 (1)	-4.02*	--	0.47 (0)
<i>gini_sa</i>	-2.17	<i>C</i>	0.62 (0)	-7.52**	--	0.39 (0)
<i>funds_sa</i>	-2.30	<i>C</i>	0.53 (0)	-7.82**	--	0.29 (0)
<i>pov_sa</i>	-2.17* ⁶	--	0.54 (0)	-4.74**	--	0.77 (0)
<i>rw_sa</i>	-3.58* ⁷	<i>C, T</i>	0.92 (1)	--	--	--
<i>rp_sa</i>	-3.57* ⁸	<i>C, T</i>	1.00 (1)	--	--	--
<i>rmw_sa</i>	-1.98	<i>C, T</i>	0.39 (0)	-6.35**	<i>C</i>	0.27 (0)
<i>rgdppc_sa</i>	8.29	--	0.63 (0)	-6.85**	<i>C</i>	0.12 (0)

Примечания.

¹ Тестировались натуральные логарифмы переменных. Индекс *_sa* означает, что переменная скорректирована на сезонность.

² *C* – константа, *T* – тренд.

³ *F*-статистика (*p*-значение) *LM*-теста на автокорреляцию 1–3 порядков (H_0 : автокорреляция 1–3 порядков отсутствует).

⁴ Здесь и далее: * обозначает 5%-ный уровень значимости, ** – 1%-ный.

⁵ Дополнительные тесты: статистика *KPSS*-теста (H_0 : уровни стационарны): *LM* = 0.29** (*C, T*); статистика *DF-GLS*-теста (H_0 : уровни содержат единичный корень): *t* = -1.11 (*C, T*).

⁶ Дополнительные тесты: статистика *KPSS*-теста (H_0 : уровни стационарны): *LM* = 0.26** (*C, T*); статистика *DF-GLS*-теста (H_0 : уровни содержат единичный корень): *t* = -0.90 (*C, T*).

⁷ Дополнительные тесты: статистика *KPSS*-теста (H_0 : уровни стационарны): *LM* = 0.05 (*C, T*); статистика *DF-GLS*-теста (H_0 : уровни содержат единичный корень): *t* = -3.68* (*C, T*).

⁸ Дополнительные тесты: статистика *KPSS*-теста (H_0 : уровни стационарны): *LM* = 0.07 (*C, T*); статистика *DF-GLS*-теста (H_0 : уровни содержат единичный корень): *t* = -3.27* (*C, T*).

В работе использовался следующий алгоритм тестирования порядка интегрированности при помощи теста Дики-Фуллера. Строились регрессии вида (4.1):

$$\Delta y_t = \mu + \delta T + \alpha y_{t-1} + \sum_{i=1}^n \beta_i \Delta y_{t-i} + \varepsilon_t, \quad (4.1)$$

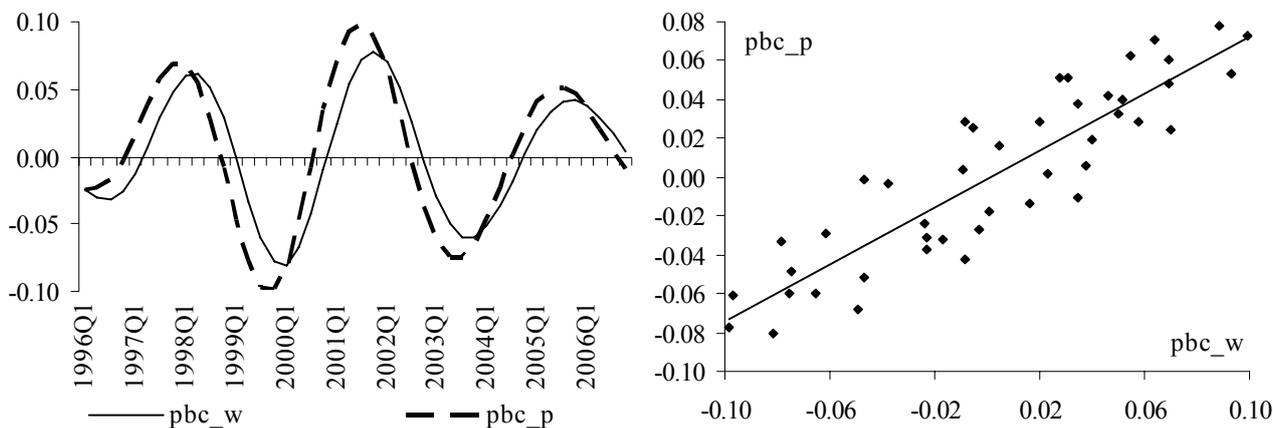
¹¹ Все эти тесты реализованы в EViews 5.1.

где Δ – оператор разности, $\mu, \delta, \alpha, \beta$ – коэффициенты регрессии, T – тренд, ε_t – остатки регрессии, в трех спецификациях (без компонента $\sum_{i=1}^n \beta_i \Delta y_{t-i}$): с константой и трендом, с константой без тренда, и без константы и тренда. Затем остатки уравнений тестировались на наличие автокорреляции первого – третьего порядков при помощи *LM*-теста (H_0 : автокорреляция остатков 1–3 порядков отсутствует). Если гипотеза отвергалась, в эти регрессии последовательно добавлялись лаги зависимой переменной до устранения автокорреляции¹². Если коэффициент при тренде оказывался незначимым, выбиралось уравнение с константой, если же и константа оказывалась незначимой, то *t*-статистика *ADF*-теста оценивалась из регрессии без константы и тренда.¹³ Результаты тестирования приведены в табл. 4.2.

Согласно *ADF*-тесту, уровни всех переменных кроме индекса валютного курса и реальной зарплаты оказались нестационарными. В случае индекса номинального обменного курса (*ner_sa*) *ADF*-тест свидетельствует об отсутствии единичного корня (на 5%-ном уровне), однако согласно *KPSS*-тесту гипотеза о стационарности данного ряда отвергается (на 1%-ном уровне), а *GLS*-тест не позволяет отвергнуть гипотезу о том, что ряд содержит единичный корень. Аналогичные результаты были получены в Крук, Пелипась, Чубрик (2006). Наконец, графический вид данного ряда (см. Приложение А) позволяет говорить о его нестационарности. Поэтому уровни индекса номинального курса рассматривались как нестационарная переменная. Приросты всех анализируемых переменных оказались стационарными.

Стационарность уровней реальной заработной платы и пенсии (с учетом тренда) подтвердилась двумя другими тестами, *KPSS* и *GLS*. Другие исследования динамических характеристик данного ряда (Крук, Пелипась, Чубрик (2006)) показали, что ряд заработной платы не только является стационарным, но и содержит циклический компонент. Выделение циклического компонента осуществлялось из рядов реальной зарплаты и реальной пенсии, скорректированных на сезонность (натуральные логарифмы) в EViews 5.1 при помощи асимметричного частотного фильтра для полной выборки (Christiano, Fitzgerald (2003)).¹⁴ Он может рассматриваться как отдельная переменная (*pbc*), характеризующая политико-деловой цикл¹⁵, который обуславливает динамику зарплаты и поведение пенсии (рис. 4.2).

Стационарность уровней реальной заработной платы и пенсии (с учетом тренда) подтвердилась двумя другими тестами, *KPSS* и *GLS*. Другие исследования динамических характеристик данного ряда (Крук, Пелипась, Чубрик (2006)) показали, что ряд заработной платы не только является стационарным, но и содержит циклический компонент. Выделение циклического компонента осуществлялось из рядов реальной зарплаты и реальной пенсии, скорректированных на сезонность (натуральные логарифмы) в EViews 5.1 при помощи асимметричного частотного фильтра для полной выборки (Christiano, Fitzgerald (2003)).¹⁴ Он может рассматриваться как отдельная переменная (*pbc*), характеризующая политико-деловой цикл¹⁵, который обуславливает динамику зарплаты и поведение пенсии (рис. 4.2).

(а) Циклические компоненты зарплаты и пенсии

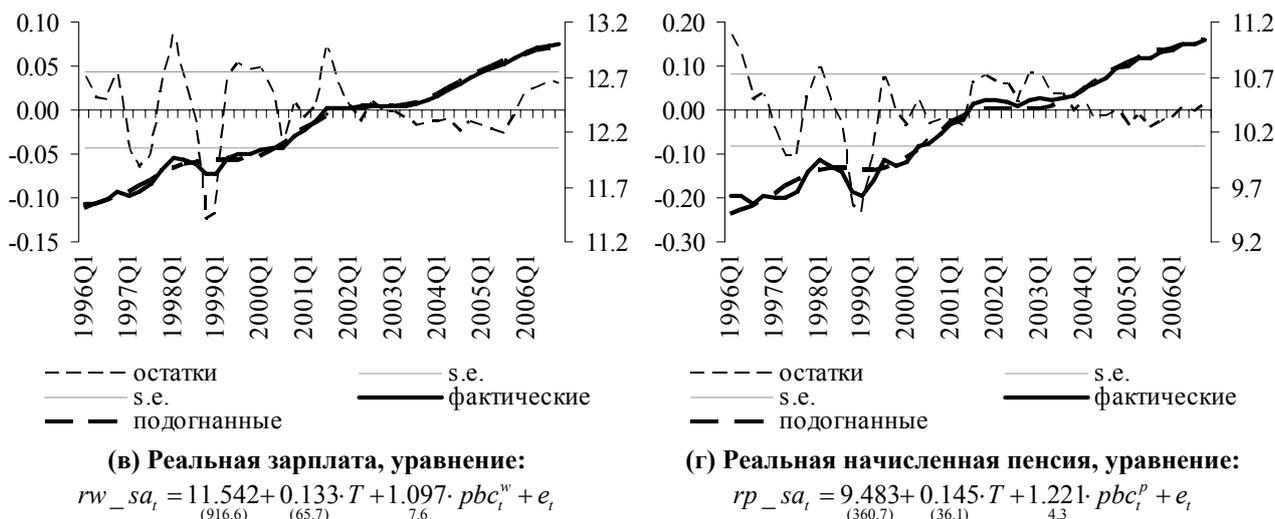
(б) Связь между циклическими компонентами

¹² Аналогичный подход к выбору длины лага в тесте Дики-Фуллера, когда включение дополнительных лагов в тест на единичный корень осуществляется для устранения автокорреляции остатков (от частного к общему), применялся, например, в Pelipas (2006).

¹³ Аналогичный алгоритм применялся в Крук, Пелипась, Чубрик (2006).

¹⁴ Спецификация: минимальное/максимальное количество периодов в цикле – 10/20 кварталов; длина лага – 12; тренд устранен; допущение о стационарности получаемого ряда.

¹⁵ В данном случае под политико-деловым циклом понимается манипулирование заработной платой накануне важных политических событий. В Беларуси за период с 1995 по 2006 гг. было пять политических кампаний, оказавших влияние на динамику заработной платы: три конституционных референдума (1995, 1996 и 2004 гг.) и две кампании по выборам президента (2001 и 2006 гг.).

Примечание. Логарифмическая шкала. Правая ось – фактические и подогнанные значения. S.e. – стандартная ошибка регрессии. Временной тренд $T = 0.25 \cdot t$, где $t = 0, 1, \dots, 43$. В приведенных уравнениях коэффициент при тренде характеризует «автономный» среднегодовой темп прироста зарплаты и пенсии за 1996–2006 гг., индексы w и p обозначают, что циклический компонент выделен из рядов зарплаты и пенсии соответственно.

Источник: собственные расчеты.

Рис. 4.2. Долгосрочная динамика зарплаты и пенсии: роль «автономного» прироста и политико-делового цикла

Кроме политических событий полученный цикл отражает периоды благоприятной (рост экспорта в Россию в 1997 г. и повышение цен на нефтепродукты и увеличение их экспорта в 2004–2005 гг.) и неблагоприятной (российский кризис 1998 г.) конъюнктуры, оказавшей влияние на динамику зарплаты и пенсии в Беларуси (Крук, Пелипась, Чубрик (2006)). В данной работе, однако, политико-деловой цикл как отдельная переменная рассматриваться не будет, поскольку он является циклическим компонентом зарплаты и пенсии, которые, согласно теории, являются факторами снижения бедности.

4.2. Анализ долгосрочной связи между уровнем ВВП на душу населения и уровнем дохода

Анализ динамических характеристик имеющихся данных показал, что большинство переменных интегрированы с порядком $I(1)$. Следовательно, между уровнями этих переменных может существовать долгосрочная связь. В этом случае существует механизм восстановления равновесия при отклонении показателей от долгосрочной траектории (механизм корректировки ошибки), который должен учитываться при анализе краткосрочной связи между переменными.

Для анализа долгосрочной связи использовался двухшаговый метод Энгла-Грэйнджера (Engle, Granger (1987)). На первом шаге оценивалось уравнение вида

$$y_t = \mu + \delta T + \sum_{j=1}^k \beta_j x_t^j + u_t, \quad (4.2)$$

где μ, δ, β – коэффициенты регрессии, T – тренд, u_t – остатки регрессии. На втором шаге остатки регрессии (4.2) тестировались при помощи теста Дики-Фуллера (в спецификации (4.1) без константы и тренда), который является тестом на наличие долгосрочной связи (H_0 : долгосрочная связь отсутствует). В тесте используются специальные критические значения МакКиннона для теста на наличие долгосрочной связи (MacKinnon (1991)). Если нулевая гипотеза отвергается, то между переменными y и x^j существует долгосрочная связь.

Таблица 4.3

Результаты тестирования на наличие долгосрочной связи между уровнем ВВП на душу населения, индексом номинального обменного курса и уровнем дохода

Зависимая переменная:	<i>F-LM, p</i> -значение (длина лага)	<i>ADF</i> -статистика	Критическое значение МакКиннона	
			1%	5%
<i>spoor_sa_t</i>	0.515 (1)	-4.798**	-4.682	-3.966
<i>caver_sa_t</i>	0.167 (0)	-3.688*	-4.161	-3.481
<i>cd10_sa_t</i>	0.715 (0)	-4.067*	-4.161	-3.481

Примечание: расчеты сделаны в EViews 5.1; критические значения МакКиннона для выбранных спецификаций уравнений и количества наблюдений рассчитаны при помощи программы MCVRS (MacKinnon (1991)). Лаговая структура выбиралась аналогично табл. 4.2 (лаги добавлялись до устранения автокорреляции 1–3 порядков).

Результаты теста Энгла-Грэйнджера приведены в табл. 4.3. Гипотеза об отсутствии долгосрочной связи между доходом беднейших 30% населения, ВВП на душу населения и индексом номинального обменного курса отвергается на 1%-ном уровне, а об отсутствии долгосрочной связи между средним доходом / доходом наиболее обеспеченных 10% населения и уровнем ВВП на душу населения – на 5%-ном уровне. Таким образом, уравнения вида (4.2) для указанных переменных не являются ложными регрессиями и отражают параметры долгосрочной связи между этими переменными.

Из уравнений долгосрочной связи (табл. 4.4) следует, что индекс номинального обменного курса оказывает влияние только на уровень дохода наименее обеспеченных 30% населения. Знак «минус» при индексе номинального курса соответствует теоретическим ожиданиям – в долгосрочном периоде девальвация (или инфляция) ведут к ухудшению состояния бедных.¹⁶ В уравнениях для среднего и наиболее высокого дохода данная переменная оказалась незначимой, т.е. относительно обеспеченная часть населения в долгосрочном периоде не страдает от девальвации.

Таблица 4.4

Параметры долгосрочной связи между уровнем ВВП на душу населения, индексом номинального обменного курса и уровнем дохода

Зависимая переменная:	Объясняющие переменные:		
	<i>cgdppc_sa_t</i>	<i>ner_sa_t</i>	<i>C</i>
<i>spoor_sa_t</i>	1.016 (84.6)**	-0.012 (-2.8)**	-1.407 (-19.7)**
<i>caver_sa_t</i>	0.955 (87.2)**	--	-0.325 (-5.1)**
<i>cd10_sa_t</i>	0.894 (58.2)**	--	0.929 (10.3)**

Примечание. В скобках приведены *t*-статистики.

Увеличение ВВП на душу населения позитивно влияет на доходы всех групп населения. При этом коэффициент при этой переменной снижается по мере увеличения дохода. Единственной группой населения, для которой 1% прироста ВВП на душу ведет к 1%-ному приросту дохода, являются бедные (коэффициент 1.016 статистически неотличим от единицы).¹⁷ Для более обеспеченных групп населения 1% прироста ВВП сопровождается меньшим увеличением дохода, что говорит о некотором перераспределении роста ВВП в пользу бедных.

4.3. Краткосрочная динамика дохода: модель с механизмом корректировки ошибки

Поскольку между уровнями ВВП на душу населения и дохода была выявлена долгосрочная связь, краткосрочная динамика дохода должна анализироваться при помощи модели с меха-

¹⁶ По децилям населения индекс номинального валютного курса оказывает значимое отрицательное влияние на доход 1–4 децилей.

¹⁷ По децилям населения коэффициент при уровне ВВП на душу населения значимо больше единицы (1.031) для первого дециля и статистически не отличается от единицы (хоть и постепенно снижается) для 2–5 децилей. Для 6–10 децилей 1% прироста ВВП на душу населения ведет менее чем к 1% прироста дохода.

низмом корректировки ошибки (*ЕСМ*). Учитывая, что долгосрочная связь анализировалась при помощи метода Энгла-Грэйнджера, таким механизмом являются остатки уравнения (4.2):

$$ЕСМ_t = u_t = y_t - (\mu + \delta T + \sum_{j=1}^k \beta_j x_t^j). \quad (4.3)$$

В общем виде модель с механизмом корректировки ошибки описывается следующим уравнением:

$$\Delta y_t = \alpha + \sum_{i=1}^n \varphi_i \Delta y_{t-i} + \sum_{i=0}^n \sum_{j=1}^k b_{ij} \Delta x_{t-i}^j + \gamma ЕСМ_{t-1} + \varepsilon_t, \quad (4.4)$$

где $\alpha, \varphi, b, \gamma$ – коэффициенты регрессии, ε_t – остатки регрессии. Для усечения модели с механизмом корректировки ошибки был использован метод «от общего к частному»,¹⁸ т.е. уравнение вида (4.4) последовательно усекалось путем удаления переменных с незначимыми коэффициентами.

Параметры долгосрочной связи, полученные в разделе 3.2, дают следующие механизмы корректировки ошибки для уравнений, описывающих краткосрочную динамику дохода трех анализируемых групп населения:

$$ЕСМ_t^{poor} = cpoor_sa_t - 1.016 \cdot cgdppc_sa_t + 0.012 \cdot ner_sa_t + 1.407, \quad (4.5)$$

$$ЕСМ_t^{aver} = caver_sa_t - 0.955 \cdot cgdppc_sa_t + 0.325, \quad (4.6)$$

$$ЕСМ_t^{rich} = cd10_sa_t - 0.894 \cdot cgdppc_sa_t - 0.929. \quad (4.7)$$

Если доход той или иной группы населения окажется выше или ниже долгосрочной траектории, определяемой уровнем ВВП на душу населения и (в случае наименее обеспеченного населения) индексом номинального курса, то такой механизм будет «подталкивать» его вниз или вверх к равновесной траектории.

Анализ краткосрочной связи между ВВП и доходом осуществлялся методом «от общего к частному» из уравнений вида (4.4):

$$\Delta y_t^j = \alpha + \sum_{i=1}^3 \varphi_i \Delta y_{t-i}^j + \sum_{i=0}^3 b_i^1 \Delta cgdppc_sa_{t-i} + \sum_{i=0}^3 b_i^2 \Delta ner_sa_{t-i} + \gamma ЕСМ_{t-1}^j + \varepsilon_t^j, \quad (4.8)$$

где j – индекс, обозначающий группу населения, Δ – оператор разностей. Изменение индекса номинального валютного курса включалось в исходные спецификации всех уравнений, а не только в уравнение для дохода наименее обеспеченного населения, поскольку в краткосрочном периоде «непредвиденная» девальвация может негативно отражаться на доходах любых групп населения. После усечения модели (4.8) методом «от общего к частному» были получены следующие уравнения (в скобках приведены t -статистики):

$$\begin{aligned} d(cpoor_sa)_t &= 0.032 + 0.292 \cdot d(cgdppc_sa)_t - 0.199 \cdot d(cgdppc_sa)_{t-1} + \\ &+ 0.270 \cdot d(cgdppc_sa)_{t-3} - 0.785 \cdot d(ner_sa)_t + 0.212 \cdot d(ner_sa)_{t-2} + \\ &+ 0.419 \cdot d(ner_sa)_{t-3} - 0.280 \cdot ЕСМ_{t-1}^{poor} + \varepsilon_t^{poor}, \end{aligned} \quad (4.9)$$

$$\begin{aligned} d(caver_sa)_t &= 0.036 + 0.278 \cdot d(caver_sa)_{t-2} + 0.258 \cdot d(caver_sa)_{t-3} + \\ &- 0.295 \cdot d(cgdppc_sa)_{t-1} - 0.987 \cdot d(ner_sa)_t + 0.488 \cdot d(ner_sa)_{t-2} + \\ &+ 0.340 \cdot d(ner_sa)_{t-3} - 0.522 \cdot ЕСМ_{t-1}^{aver} + \varepsilon_t^{aver}, \end{aligned} \quad (4.10)$$

¹⁸ Метод реализован в модуле PcGets 1 к эконометрическому пакету PcGive 10.3 (Hendry, Krolzig (2001)). В первоначальной спецификации уравнения использовалось количество лагов, равное трем ($n = 3$).

$$d(cd10_sa)_t = 0.787 \cdot d(cgdppc_sa)_t - 0.581 \cdot ECM_{t-1}^{rich} + \varepsilon_t^{rich}. \quad (4.11)$$

Уравнения (4.9) – (4.11) хорошо специфицированы: остатки имеют нормальное распределение, отсутствуют автокорреляция и авторегрессионная условная гетероскедастичность остатков (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Тесты на спецификацию уравнений (4.9) – (4.11)

Тест:	p-значение		
	(4.9)	(4.10)	(4.11)
Автокорреляция 1–3 порядков (<i>LM</i> -тест, <i>F</i> -статистика)	0.574	0.203	0.730
Авторегрессионная условная гетероскедастичность 1–3 порядков (<i>LM</i> -тест, <i>F</i> -статистика)	0.943	0.248	0.632
Нормальность распределения остатков (Jarque-Bera)	0.554	0.532	0.057

Примечание: во всех случаях нулевая гипотеза предполагает аномалию остатков (автокорреляцию, гетероскедастичность или отсутствие нормальности распределения). Расчеты сделаны в EViews 5.1.

Как и в долгосрочном периоде, на динамику дохода наименее обеспеченного населения (уравнение (4.9)) оказывал влияние рост ВВП (сумма коэффициентов при приросте ВВП равна 0.363, т.е. 1% прироста ВВП дает около 0.4% прироста дохода бедных) и номинальный обменный курс (сумма коэффициентов равна –0.154, т.е. падение курса белорусского рубля к доллару США на 1% ведет к снижению дохода бедных на 0.154%). Значимая константа свидетельствует о том, что при прочих равных условиях доход бедных увеличивался бы в рассмотренный период средним темпом 3.2% за квартал. Коэффициент при механизме корректировки ошибки равен –0.28, т.е. при отклонении краткосрочной динамики от долгосрочной траектории восстановление равновесия происходит примерно за три с половиной квартала.

В уравнении (4.10) значимое отрицательное влияние на динамику среднего дохода оказывает поведение обменного курса: 1% девальвации белорусского рубля дает 0.16% снижения среднего дохода. Кроме того, данная переменная обладает инерционностью – 1% увеличения среднего дохода ведет к его увеличению почти на 0.6% в последующие 3 квартала. Влияние прироста ВВП на прирост среднего дохода в краткосрочном периоде оказалось отрицательным, однако это, вероятно, связано со значимостью лаговых значений среднего дохода. Константа и механизм корректировки ошибки в уравнении (4.10) также оказались значимыми: средний доход растет «автономным» темпом в 3.6% в квартал, а при отклонении от долгосрочной траектории равновесие восстанавливается за два квартала.

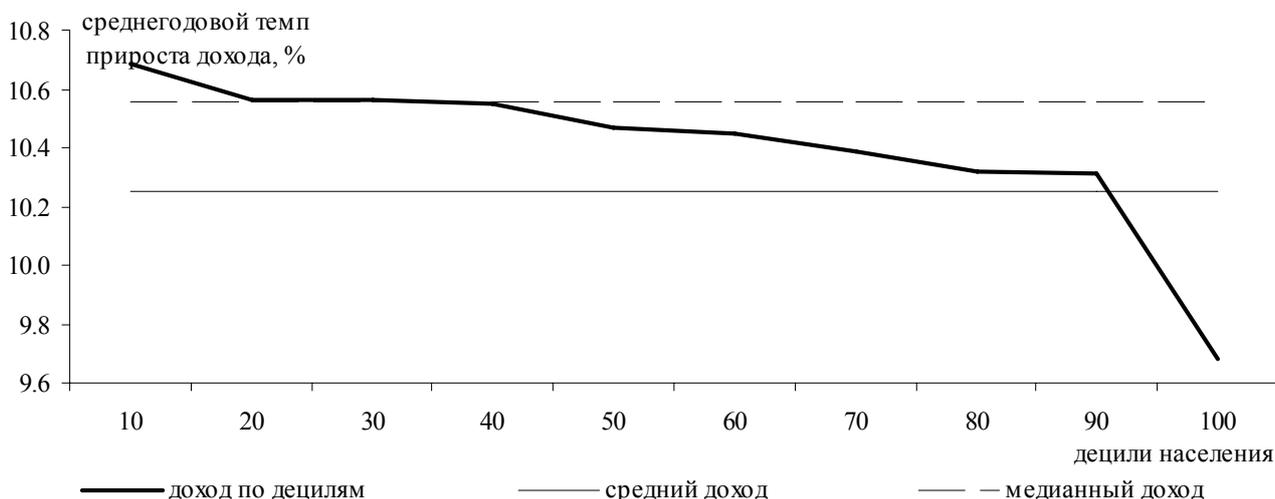
После усечения уравнения для дохода наиболее обеспеченного населения значимыми остались две переменные – прирост ВВП и механизм корректировки ошибки. Коэффициент при приросте ВВП оказался наибольшим из трех уравнений и самым близким к коэффициенту из уравнения долгосрочной связи (табл. 4.4). «Автономный» прирост дохода наиболее обеспеченного населения отсутствует – константа оказалась незначимой. Равновесие в случае отклонения данной переменной от долгосрочной траектории восстанавливается наиболее быстро – менее чем за два квартала. Как и в долгосрочном периоде, динамика валютного курса не оказывает влияния на поведение дохода наиболее обеспеченной части населения.

Таким образом, в краткосрочном периоде наибольшие выгоды от роста ВВП получала наиболее обеспеченная часть населения, наименьшие – лица со средним доходом (при сопоставимом негативном влиянии девальвации). Доходы богатых в краткосрочном периоде не подвержены негативному влиянию девальвации, и единственным фактором, их определяющим, является экономический рост. Вероятно, это объясняется меньшей зависимостью богатых от «жестких» источников дохода (таких как зарплата и пенсия): они «пожинают плоды» экономического роста сразу (прирост ВВП влияет на них без лагов, а коэффициент при приросте ВВП в краткосрочном уравнении практически равен долгосрочному). Бедные получают выигрыш от роста чуть позже (лаги при приросте ВВП в уравнении (4.9)) и меньше, хотя в долгосрочном периоде их доход «подтягивается» к темпам роста ВВП (вероятно, отчасти

вследствие политики перераспределения). Средний доход (в основном сформированный зарплатой и пенсией) обладает инерционностью, поэтому его краткосрочная динамика может определяться другими факторами (например, политико-деловым циклом) и не зависеть от поведения ВВП. Таким образом, в краткосрочном периоде рост ВВП распределяется в пользу наиболее обеспеченных граждан, в то время краткосрочная как динамика малообеспеченных групп населения и граждан со средним доходом определяется другими факторами, анализу которых частично посвящен пятый раздел.

4.4. Рост в пользу бедных? Кривая распределения роста, вариативность инфляции и распределение дохода

Дополнительным аргументом в пользу того, что экономический рост в рассмотренный период был «в пользу бедных», является анализ на основе кривой распределения роста (*growth incidence curve*), предложенной в работе Ravallion, Chen (2001). Эта кривая напоминает кривую Лорренца, только вместо уровня дохода по оси ОУ откладываются темпы роста дохода соответствующих групп населения. Кривая распределения роста за 1996–2006 гг., построенная для децилей населения, представлена на рис. 4.3 (аналогичные графики по отдельным годам приведены в Приложении Б).

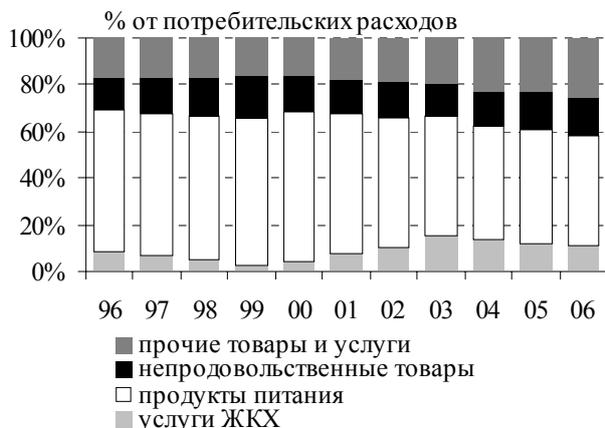
Источник: расчеты на основе данных Выборочного обследования домохозяйств, Национального банка и Исследовательского центра ИПМ.

Рис. 4.3. Кривая распределения роста, 1996–2006 гг.

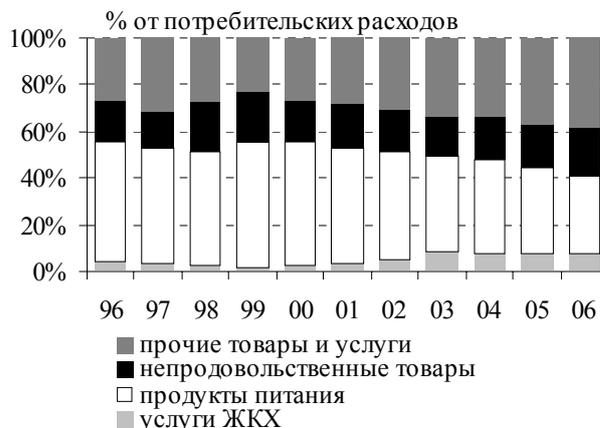
Видно, что среднегодовые темпы роста дохода снижались по мере роста уровня дохода, и, соответственно, медианный доход рос быстрее среднего. Средний доход беднейших 30% рос средним темпом в 10.6% в год (согласно Ravallion, Chen (2001) и нашему определению бедности этот показатель может считаться ростом в пользу бедных) и был выше темпа роста среднего дохода (10.3% в год). Однако разница между темпами роста доходов богатых и бедных не превышала 1 процентного пункта, т.е. перераспределительные эффекты экономического роста были незначительными. Они становятся несколько больше, если выборку разбить на 2 части: период падения доходов населения (в долларовом эквиваленте), 1997–1999 гг., и период роста (оставшаяся часть выборки). В период спада ВВП в большей степени страдали бедные – темпы падения их дохода в тот период были выше темпов падения доходов самых богатых 10% населения на 0.4 процентного пункта.¹⁹ В период роста его перераспределитель-

¹⁹ Вероятно, столь незначительным эффектом можно было бы пренебречь, однако, если взглянуть на поведение доходов по децилям населения в отдельно взятые годы (1997, 1998 и 1999 гг., приложение Б), то видно, что перераспределительные эффекты спада весьма существенные. На начальном его этапе богатые, чей доход сразу от-

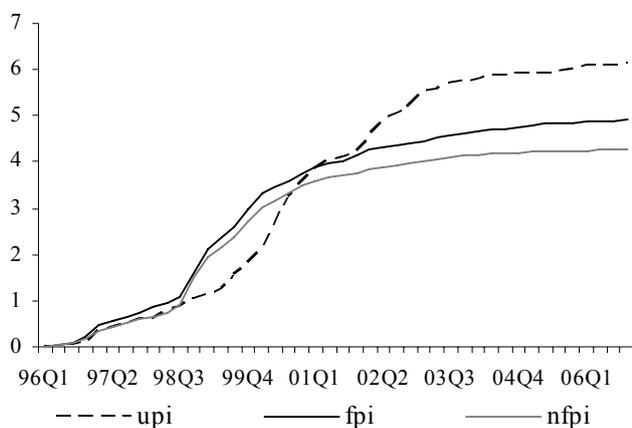
ные эффекты оказались большими, хотя и не очень значительными – среднегодовые темпы роста доходов беднейших 10% населения были на 1.6 процентного пункта выше аналогичного показателя для 10% наиболее обеспеченных граждан.

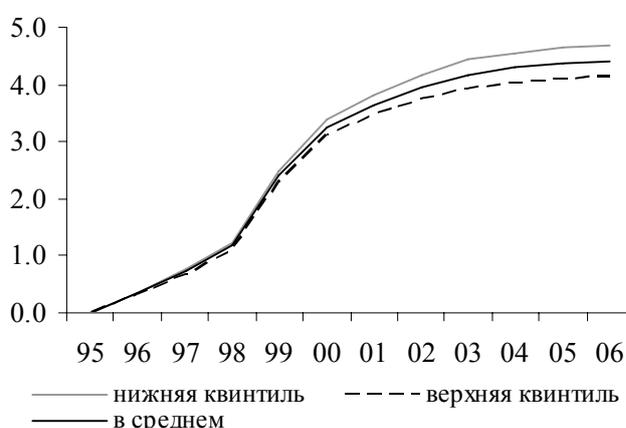
(а) Структура потребительских расходов 20% наименее обеспеченных домохозяйств

(б) Структура потребительских расходов 20% наиболее обеспеченных домохозяйств

(в) Индексы цен на услуги ЖКХ, продукты питания и непродовольственные товары

(г) Вклад роста цен на услуги ЖКХ, продукты питания и непродовольственные товары в прирост потребительских цен

Примечание. Рис. (в) и (г): индексы цен, 4 кв. 1995 г. = 1 (логарифмическая шкала). Рис. (г): вклад в прирост потребительских цен для наименее и наиболее обеспеченных 20%-ных групп домохозяйств и для среднего домохозяйства рассчитывался по следующей формуле:

$$\Delta p_i^j = s_i^{u,j} \Delta u p_i + s_i^{f,j} \Delta f p_i + s_i^{nf,j} \Delta n f p_i,$$

где Δp_i^j – прирост потребительских цен для j -той группы домохозяйств в период t , $s_i^{u,j}, s_i^{f,j}, s_i^{nf,j}$ – доли расходов j -той группы домохозяйств в период t на услуги ЖКХ, продукты питания и непродовольственные товары соответственно, $\Delta u p_i, \Delta f p_i, \Delta n f p_i$ – темпы прироста цен на соответствующие товары и услуги.

Источник: Выборочное обследование домохозяйств (а), (б); Министерство статистики и анализа (в); собственные расчеты (г).

Рис. 4.2. Влияние структуры потребительских расходов на динамику цен наименее и наиболее обеспеченных домохозяйств

кликается на изменение ВВП, пострадали наиболее существенно, в то время как другие группы оказались относительно более защищенными. В 1997 г. темп падения дохода наиболее обеспеченных 10% населения превысил аналогичный показатель для беднейших 10% на 5.2 процентного пункта. В год российского кризиса более всего пострадали уже доходы малообеспеченных граждан – они падали на 7.3 процентного пункта быстрее, чем доходы богатых. В 1999 г. темпы роста доходов богатых и бедных практически не различались, а вот лица со средним уровнем дохода оказались «в выигрыше» – их доход падал медленнее других на 2–2.6 процентного пункта. В период с 2000 по 2006 гг. перераспределительные эффекты роста также значительно отличались в разные годы.

В условиях столь незначительной разницы между темпами роста доходов богатых и бедных важным замечанием, необходимым для корректной трактовки полученных результатов является то, что связь между переменными анализировалась на основе показателей, измеренных в долларах США. Одно и то же увеличение дохода в долларовом эквиваленте неравнозначно для богатых и бедных с точки зрения изменения реальных доходов. Поскольку с 1999 г. наблюдалось реальное укрепление белорусского рубля (рис. 4.1), рост доходов в реальном выражении отставал от роста доходов в долларовом эквиваленте. Следовательно, темпы увеличения реальных доходов той группы населения, для которой цены росли быстрее, были ниже, даже если долларовые доходы этой группы росли теми же темпами, что и у других групп.

Очевидно, что темпы роста цен для отдельных групп населения (домохозяйств) зависят от структуры их расходов (см. раздел 2.5). Если предположить, что цены на товары и услуги для бедных и для богатых растут одинаково, то та группа населения, в структуре доходов которой наиболее быстро дорожающие товары и услуги занимают наибольшую долю, столкнется с наибольшими темпами роста потребительских цен.

В Беларуси наиболее высокими темпами в рассмотренный период дорожали услуги ЖКХ. Цены на продукты питания росли значительно медленнее, а на непродовольственные товары – еще медленнее (рис. 4.2 (в)). В среднем за 1996–2006 гг. расходы на услуги ЖКХ занимали в структуре расходов наименее обеспеченных 20% домохозяйств 8.9%, расходы на продукты питания – 56.6%, на непродовольственные товары – 15.3%. У наиболее обеспеченных 20% домохозяйств эти показатели составляли 5.1, 45.7 и 18.9% соответственно (рис. 4.2 (а, б)). В итоге вклад этих трех групп товаров и услуг в прирост потребительских цен для бедных и богатых заметно отличался (рис. 4.2 (г)).

Если бы цены на остальные товары и услуги росли для бедных и богатых одинаково, то при среднегодовом приросте ИПЦ за указанный период на 61% богатые столкнулись бы с увеличением потребительских цен в среднем на 60.3% в год, а бедные – на 62.4% в год. Такое предположение, однако, не учитывает изменения относительных цен в условиях инфляции. Очевидно, что в Беларуси наиболее обеспеченные домохозяйства потребляют импортные товары, цены которых привязаны к иностранной валюте (в частности, к доллару США). Поскольку за рассматриваемый период белорусский рубль в реальном выражении значительно укрепился, импортные товары подешевели относительно белорусских. Следовательно, изменение относительных цен сделало бедных относительно беднее, что подтверждает нашу гипотезу о негативном влиянии вариативности инфляции на благосостояние бедных.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы об особенностях проводимой в стране социальной политики. Привязка этой политики к целевым показателям зарплаты, выраженным в долларах США, создавала иллюзию весьма быстрого роста доходов, поскольку последние девять лет наблюдалось реальное укрепление белорусского рубля по отношению к доллару. Кроме того, она давала возможность увеличивать доходы бедных быстрее, чем доходы богатых, отвлекаясь от покупательной способности этих доходов. Однако цены на товары и услуги, потребляемые наименее обеспеченными домохозяйствами, росли в рассмотренный период быстрее, чем на товары и услуги «для богатых». Таким образом, относительное улучшение благосостояния бедных, измеренного в долларах США, нивелировалось (по крайней мере, частично) быстрым ростом цен на товары и услуги для данной группы населения, что ставит под сомнение «социальную направленность» экономического роста, понимаемую как политику, направленную на перераспределение роста ВВП в пользу бедных, в эти годы.

Чувствительность роста в пользу бедных к динамике цен можно продемонстрировать на следующем примере. В номинальном выражении темпы прироста дохода наименее обеспеченных 10% населения составили за 1996–2006 гг.²⁰ 82.1%, наиболее обеспеченных 10% – 80.5%. За этот период ИПЦ вырос на 61.8%. Если бы темпы роста потребительских цен для

²⁰ Т.е. за 10 лет (1996 г. = 100%).

бедных за этот период превышали темпы роста потребительских цен для богатых на 0.90% в год, то прирост реального дохода у этих двух групп был бы одинаков. Учитывая, что даже по нашим приблизительным оценкам расхождение за этот период было большим (0.96% в год), относительное положение бедных, измеренное при помощи реального дохода, за указанный период даже несколько ухудшилось.

Наконец, можно оценить распределение выгод от экономического роста между группами населения с различным уровнем дохода, рассчитав изменение доли каждой группы в совокупном доходе. Для этого были построены уравнения $y_i^i / y_i^{total} = a^i + b^i T + e_i$, где y_i^i – доход i -го дециля, y_i^{total} – совокупный доход, $T = 0, 1, \dots, 43$ – временной тренд.²¹ Величина $43b_i$, полученная из такого уравнения, соответствует изменению удельного веса i -го дециля в совокупном доходе.

За 1996–2006 гг. снизился только удельный вес десятого дециля в совокупном доходе (на 3.3 процентного пункта). Если оставшиеся 90% населения разбить на три группы по 30%, то видно, что за указанный период менее всего возрос удельный вес 30% наименее обеспеченных – на 0.9 процентного пункта, в то время как удельные веса обеих средних групп выросли на 1.2 процентного пункта каждый. Таким образом, в процессе экономического роста совокупный доход распределялся скорее не в пользу бедных, а «в пользу средних», которые, вероятно, и были той социальной группой, на которую более всего ориентировалась белорусская экономическая политика.

5. ФАКТОРЫ СНИЖЕНИЯ БЕДНОСТИ: РОЛЬ ДОХОДА, ДЕВАЛЬВАЦИИ, ПОЛИТИКО-ДЕЛОВОГО ЦИКЛА И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Несмотря на то, что проведенный анализ не позволил сделать однозначного вывода о том, был ли экономический рост 1996–2006 гг. ростом в пользу бедных²², бедность в Беларуси за этот период значительно снизилась, причем, очевидно, во многом благодаря росту ВВП²³ (рис. 5.1). Анализ литературы (второй и третий разделы) позволил выделить и другие факторы снижения бедности: рост доходов, снижение неравенства (перераспределение), макроэкономическая стабилизация и политико-деловой цикл. В данном разделе при помощи модели с механизмом корректировки ошибки делается анализ влияния этих факторов на динамику бедности в Беларуси.

5.1. Факторы снижения бедности: долгосрочный период

В нашем распоряжении имеются следующие переменные, характеризующие факторы, которые оказывают влияние на динамику бедности: реальный ВВП (экономический рост), реальные зарплата и пенсия (доходы и политико-деловой цикл), индекс Джини / коэффициент фондов (неравенство и перераспределение) и индекс номинального обменного курса / индекс потребительских цен (макроэкономическая стабилизация). Уровень бедности является функцией всех этих переменных:

$$POV = f(RGDPPC, RW, RP, GINI, FUNDS, NER, CPI). \quad (5.1)$$

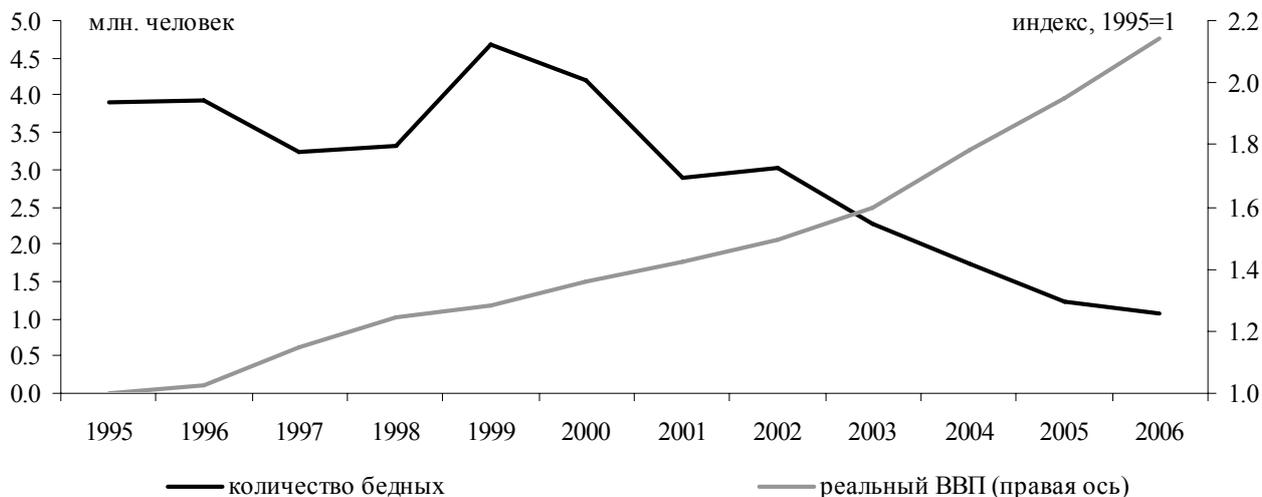
Однако оценка уравнения вида (5.1) невозможна, поскольку уровни зарплаты и пенсии являются стационарными (см. табл. 4.2). Они не могут быть включены в уравнение долгосрочной связи. Динамика двух из оставшихся переменных – индекса Джини и коэффициента фондов – практически идентична (см. Приложение А), поскольку степень неравенства рас-

²¹ Коэффициенты a и b во всех десяти уравнениях оказались значимыми.

²² В соответствии с определением, согласно которому рост в пользу бедных ведет к увеличению доли бедных в совокупном доходе.

²³ То есть, согласно другому определению, наблюдавшийся экономический рост являлся ростом в пользу бедных, поскольку он сопровождался значительным снижением бедности.

пределения доходов определяется главным образом разницей между наиболее и наименее обеспеченными группами населения. Поэтому в уравнение долгосрочной связи включалась одна из этих переменных.

Источник: Выборочное обследование домохозяйств, Министерство статистики и анализа.

Рис. 5.1. Динамика уровня бедности и ВВП, 1996–2006 гг.

Тест Энгла-Грэйнджера показал, что в долгосрочном периоде динамика бедности определялась только двумя переменными – уровнем реального ВВП на душу населения и индексом номинального обменного курса (табл. 5.1, спецификация (в)). В долгосрочном периоде увеличение реального ВВП на 1% ведет к снижению уровня бедности на 2.7%, а снижение номинального курса белорусского рубля к доллару США на 1% – к увеличению уровня бедности на 0.2%.²⁴ Очевидно, что даже если рост ВВП в Беларуси и не был ростом в пользу бедных, он сыграл ключевую роль в снижении бедности с без малого 50% населения в 1999 г. до чуть более 10% населения в 2006 г. При этом быстрая девальвация белорусского рубля конца 1998 – начала 2001 гг. обусловила сначала рост бедности, а затем способствовала ее удержанию на высоком уровне. Макроэкономическая стабилизация, результаты которой проявились во второй половине 2001 г.²⁵ стала еще одним важным фактором снижения бедности (в 2000 г. она снизилась на 4.8 процентного пункта, в 2001 г. – еще на 13 процентных пунктов). О важности макроэкономической стабильности свидетельствует тот факт, что резкое снижение бедности произошло и в 2003 г. (на 7.6 процентного пункта), когда девальвация белорусского рубля прекратилась.

Таблица 5.1

Факторы бедности в долгосрочном периоде: тест Энгла-Грэйнджера

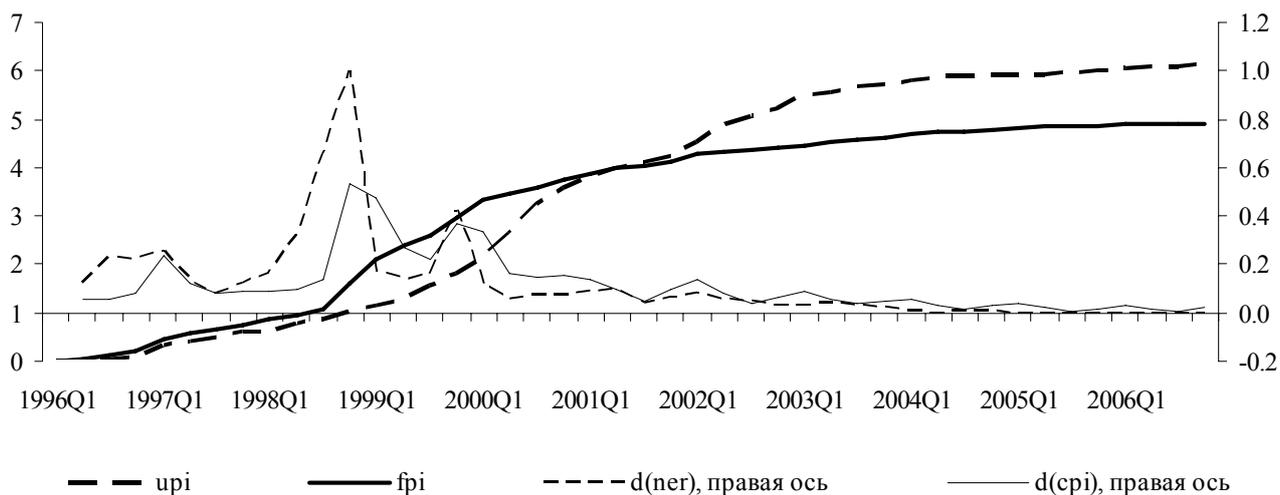
Спецификация	<i>rgdppc sa</i>	<i>gini sa</i>	<i>funds sa</i>	<i>ner sa</i>	<i>cpi sa</i>	<i>C</i>	<i>T</i>	<i>ADF</i> -статистика
(а)	-4.197	2.141	--	--	--	27.986	0.053	-2.90
(б)	-4.268	--	1.027	--	--	23.763	0.054	-2.97
(в)	-2.734	--	--	0.188	--	18.584	--	-3.94*
(г)	-2.984	--	--	--	0.210	19.910	--	-2.88

Примечание. Реальный ВВП включался во все спецификации. Приведены только те спецификации, все коэффициенты в которых оказались значимыми.

²⁴ Процент, а не процентных пунктов.

²⁵ Национальный банк начал политику стабилизации в конце 2000 г., унифицировав обменный курс и перейдя к конвертируемости белорусского рубля по текущим операциям. Затем были снижены темпы эмиссии денег и повышены реальные процентные ставки по рублевым финансовым инструментам (Чубрик (2005)).

Механизм негативного влияния девальвации на уровень бедности может быть проиллюстрирован на следующем примере. Согласно Casero, Seshan (2006), девальвация ведет к ускоренному росту цен на торгуемые товары и услуги по сравнению с неторгуемыми. В случае Беларуси в качестве эквивалента торгуемых товаров могут рассматриваться продукты питания, а неторгуемых услуг – услуги ЖКХ. На рис. 5.2 видно, что в периоды, когда темпы девальвации в среднем превышали темпы инфляции, рост цен на продукты питания значительно опережал рост стоимости услуг ЖКХ. Учитывая, что продукты питания в тот период занимали около 63% в потребительской корзине 20% наименее обеспеченного населения и «всего» 53% потребительских расходов 20% наиболее обеспеченных граждан, влияние девальвации на реальные доходы бедных было большим, чем на реальные доходы богатых.

Примечание. Логарифмическая шкала. Обозначения: *upi* – индекс цен на услуги ЖКХ, 1996 г. = 1, *fpi* – индекс цен на продукты питания, 1996 г. = 1. По правой оси – темпы прироста индекса номинального обменного курса и ИПЦ (первые логарифмические разности).

Источник: Министерство статистики и анализа, расчеты на основе данных Национального банка Беларуси и Исследовательского центра ИПМ.

Рис. 5.2. Динамика цен на продукты питания и услуги ЖКХ в зависимости от разницы в темпах инфляции и девальвации

Значимого влияния инфляции на долгосрочную динамику бедности выявлено не было. Это может объясняться индексацией зарплаты, пенсии и других выплат на величину инфляции (хотя такая индексация применялась не всегда) и отсутствием (до 2001 г.) привязки зарплаты к долларовому эквиваленту²⁶ (при этом никакие другие выплаты к нему не привязаны). В итоге девальвация всегда оказывается «неожиданной», особенно для бедных, не способных самостоятельно застраховать свои «активы» от макроэкономических шоков.

Ни одна из переменных, характеризующих перераспределение дохода, не оказывает значимого влияния на поведение бедности в долгосрочном периоде. Возможным выводом из этого является неэффективность политики перераспределения в долгосрочном периоде (например, из-за ее негативного воздействия на стимулы наиболее обеспеченных граждан к инвестированию в экономику страны²⁷). Однако в рассмотренный период вряд ли проводилась

²⁶ Вряд ли можно считать такую привязку аналогом индексации, поскольку девальвация не ведет к автоматическому увеличению номинальной зарплаты (по крайней мере, в государственном секторе, занимающем около 80% экономики Беларуси).

²⁷ Например, в работе Alesina, Rodrik (1994) показано, что в странах с высоким неравенством распределения дохода, где медианный доход значительно ниже среднего дохода, большинство избирателей проголосуют за более высокие налоги на капитал. Это снизит стимулы к инвестированию и, следовательно, темпы экономического роста. Учитывая, что экономический рост является ключевым фактором снижения бедности, подобная политика перераспределения окажется эффективной только в краткосрочном периоде.

последовательная политика перераспределения от богатых именно к бедным. В частности, в 1998, 2000–2002 и 2006 гг. медианный доход рос медленнее среднего (т.е. бедные богатели медленнее богатых), см. Приложение Б. В целом за 1996–2006 гг. среднегодовые темпы роста дохода беднейших 10% населения, выраженного в долларах США, всего на 1 процентный пункт превышали темпы роста дохода наиболее обеспеченных 10%, а темпы роста медианного дохода всего на 0.3 процентного пункта превышали темпы роста среднего дохода (рис. 4.3). В итоге коэффициент фондов и индекс снизились за указанный период незначительно – с 7.1 до 6.4 и с 0.298 до 0.283 соответственно (в среднем за квартал 1996 и 2006 гг.). С учетом разной скорости роста потребительских цен для бедных и богатых (раздел 4.4) масштабы перераспределения могли быть еще меньше.

5.2. Факторы снижения бедности: модель с механизмом корректировки ошибки

При анализе показателей, определяющих динамику бедности в краткосрочном периоде, к двум выявленным факторам будут добавлены переменные, характеризующие доходы, неравенство и политико-деловой цикл. Последний невозможно было рассматривать как переменную, определяющую поведение бедности в долгосрочном периоде, однако, следуя нашим гипотезам, она может влиять на краткосрочную динамику бедности. Механизм корректировки ошибки определяется из (5.2):

$$ECM_t^{pov} = pov_sa_t - 18.584 + 2.734 \cdot rgdppc_sa_t - 0.188 \cdot ner_sa_t. \quad (5.2)$$

Анализ факторов, определяющих краткосрочную динамику бедности, осуществлялся методом «от общего к частному» из уравнений вида (4.4):

$$\begin{aligned} \Delta pov_sa_t = & \alpha + \sum_{i=1}^3 \varphi_i \Delta pov_sa_{t-i} + \sum_{i=0}^3 b_i^1 \Delta cgdppc_sa_{t-i} + \sum_{i=0}^3 b_i^2 \Delta macro_{t-i} + \\ & + \sum_{i=0}^3 b_i^3 \Delta inequality_{t-i} + \sum_{i=0}^3 b_i^4 \Delta income_{t-i} + \gamma ECM_{t-1}^{pov} + \varepsilon_t, \end{aligned} \quad (5.3)$$

где *macro* – это инфляция (изменение потребительских цен) или девальвация (изменение обменного курса белорусского рубля к доллару США), *inequality* – это индекс Джини или коэффициент фондов, а *income* – зарплата или пенсия. Одновременное включение в уравнение зарплат и пенсии некорректно, поскольку обе эти переменные содержат практически один и тот же циклический компонент, характеризующий политико-деловой цикл (рис. 4.2 (а, б)).

Модели с механизмом корректировки ошибки вида (5.3) усекались при помощи метода «от общего к частному» аналогично разделу 4.3. После усечения были получены следующие уравнения:

$$\begin{aligned} d(pov_sa)_t = & 0.243 \cdot d(ner_sa)_t - 0.368 \cdot d(ner_sa)_{t-1} + 0.358 \cdot d(ner_sa)_{t-3} + \\ & - 0.753 \cdot d(rp_sa)_t - 0.645 \cdot d(rp_sa)_{t-1} - 0.465 \cdot ECM_{t-1}^{pov} + \varepsilon_t, \end{aligned} \quad (5.4a)$$

$$\begin{aligned} d(pov_sa)_t = & -0.057 + 0.240 \cdot d(ner_sa)_t + 0.147 \cdot d(ner_sa)_{t-3} + \\ & - 0.553 \cdot d(rw_sa)_{t-1} - 0.522 \cdot ECM_{t-1}^{pov} + \varepsilon_t. \end{aligned} \quad (5.4б)$$

В обоих уравнениях отсутствуют аномалии остатков (табл. 5.2), что говорит об их корректной спецификации.

Как и в долгосрочном периоде, не было выявлено связи между бедностью с одной стороны и инфляцией и переменными, характеризующими неравенство распределения дохода с другой стороны. В обоих уравнениях оказался значимым обменный курс (девальвация ведет к увеличению бедности) и показатели, характеризующие доход и политико-деловой цикл – зарплата и пенсия. Их влиянию (а фактически – суммарное влияние переменных дохода и

политико-делового цикла²⁸) на прирост бедности значимое и отрицательное: в уравнении (5.4а) сумма коэффициентов при приросте реальной пенсии равна -1.398 , а коэффициент при приросте зарплаты в уравнении (5.4б) равен -0.553 . В случае отклонения краткосрочной динамики от долгосрочной траектории равновесие в обоих случаях восстанавливается довольно быстро – примерно за два квартала.

Таблица 5.2

Тесты на спецификацию уравнений (5.4а) и (5.4б)

Тест:	p-значение	
	(5.4а)	(5.4б)
Автокорреляция 1–3 порядков (<i>LM</i> -тест, <i>F</i> -статистика)	0.408	0.757
Авторегрессионная условная гетероскедастичность 1–3 порядков (<i>LM</i> -тест, <i>F</i> -статистика)	0.980	0.441
Нормальность распределения остатков (Jarque-Bera)	0.610	0.968

Примечание: во всех случаях нулевая гипотеза предполагает аномалию остатков (автокорреляцию, гетероскедастичность или отсутствие нормальности распределения). Расчеты сделаны в EViews 5.1.

Отсутствие влияние неравенства распределения на бедность, как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде, требует пояснений, поскольку расходится с нашими теоретическими ожиданиями. Судя по всему, это связано со значимостью индекса номинального обменного курса в уравнении долгосрочной связи и девальвации в уравнениях с механизмом корректировки ошибки. В условиях высокой долларизации девальвация сопровождается значительными перераспределительными эффектами (см. разделы 2.4, 3 и 4.4). Это подтверждает и регрессионный анализ факторов неравенства: объясняющими переменными уравнения, описывающего долгосрочную динамику коэффициента Джини (*gini_sa*), являются индекс номинального обменного курса (*ner_sa*) и минимальная зарплата в реальном выражении (*rmw_sa*).²⁹ Таким образом, наша гипотеза о том, что перераспределение дохода оказывает влияние на уровень бедности, косвенно подтверждается – переменной, влияющей на перераспределение, является индекс номинального обменного курса.

6. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Выше мы установили, что в Беларуси снижение неравенства не оказывало (по крайней мере, напрямую) влияния на динамику бедности. Однако она обуславливалась (через динамику зарплаты и пенсии) политико-деловым циклом. Важные политические события оказывали влияние на оплату труда и размер социальных трансфертов, являвшихся источниками снижения бедности в Беларуси, а также оказывали влияние на распределение дохода. Таким образом, можно констатировать, что политика перераспределения в краткосрочном периоде достигала одной из своих целей – снижения бедности. Ниже будут рассмотрены отдельные аспекты такой политики. Кроме того, дополнительных комментариев требуют вопросы, связанные с регулированием цен, поскольку оно могло оказывать влияние на вариативность инфляции и, соответственно, на благосостояние наименее обеспеченных домохозяйств.

6.1. Некоторые инструменты политико-делового цикла

6.1.1. Таргетирование средней зарплаты и минимальная заработная плата

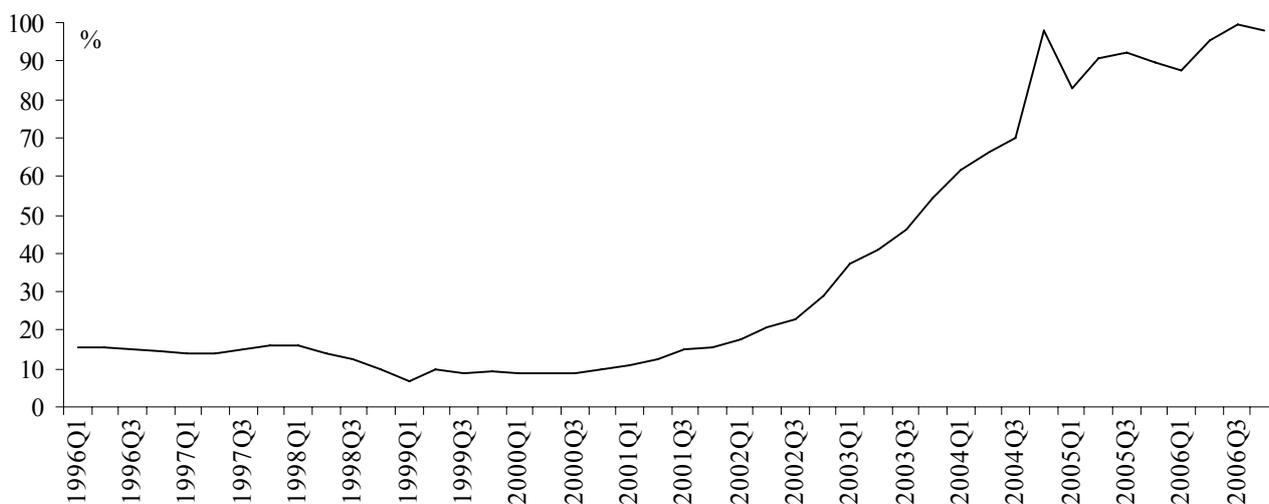
В 1995–2006 гг. рост реальной заработной платы и доходов ускорялся во все периоды перед проведением крупных политических кампаний. Кроме того, накануне таких кампаний про-

²⁸ Наряду с политико-деловым циклом ключевым фактором роста зарплаты в Беларуси в рассмотренный период была производительность труда (Крук, Пелипась, Чубрик (2006)), а значит, ее увеличение было важным фактором снижения бедности.

²⁹ Согласно тесту Энгла-Грэйнджера, гипотеза об отсутствии долгосрочной связи между этими переменными отвергается на 5%-ном уровне.

исходило погашение значительной части задолженности по оплате труда. Показательны в этом отношении 2001 г. (год президентских выборов), когда средняя зарплата в долларовом эквиваленте за два года возросла более чем в два раза, и 2004 г. (год проведения референдума по вопросу снятия конституционного ограничения на количество президентских сроков для одного лица), когда минимальная заработная плата была увеличена до уровня бюджета прожиточного минимума.³⁰

Уровень средней зарплаты стал одной из целей экономической политики накануне президентских выборов 2001 г. (президент обязал правительство довести уровень среднемесячной зарплаты до 100 долл. США к месяцу выборов). Начиная с 2004 г. целевые показатели устанавливаются ежегодно.³¹ Кроме того, устанавливаются среднесрочные цели: 250 долл. США к концу 2005 г. и 500–540 долл. США в месяц к концу 2010 г. (программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 и 2006–2010 гг. соответственно). Все целевые показатели с 2001 по 2006 гг. были выполнены (Чубрик, Джуччи (2006)).

Примечание. Данные приведены в среднем за квартал, ряд скорректирован на сезонность.

Источник: расчеты на основе данных Министерства статистики и анализа.

Рис. 6.1. Отношение минимальной заработной платы к бюджету прожиточного минимума

Принятие декрета президента №3 от 15.02.2002 «О некоторых вопросах регулирования минимальной заработной платы», согласно которому она стала функционировать в качестве социальной гарантии и нижней границы оплаты труда, стало важным шагом по уменьшению доли «работающей бедноты» (*working poor*), среди которой удельный вес бедных наиболее высок (не считая детей). С 1 января 2003 г. МЗП была повышена почти в 2,5 раза до 40,67 тыс. руб. (44% прожиточного минимума), с 1 января 2004 г. — до 83 тыс. руб. (72% от БПМ), с 1 января 2005 г. — до 128,9 тыс. руб. (95% БПМ), а с 1 января 2006 г. — до 156,9 тыс. руб. (98% БПМ), оставаясь на уровне около 100% БПМ до настоящего времени (рис. 6.1).

6.1.2. Ограничение дифференциации оплаты труда

Сокращение бедности происходило на фоне уменьшения неравенства в оплате труда между различными категориями работников. Это связано не с изменениями в структуре экономики

³⁰ Минимальная заработная плата является инструментом политико-делового цикла и в России, где она увеличивалась во все предвыборные периоды (Gimpelson, Lippoldt (2001)). В России именно минимальный размер оплаты труда пересматривается и обсуждается публично, в то время как в Беларуси до 2003 г. акцент делался только на изменении «среднемесячной заработной платы». Такая разница в публичном использовании того или иного индикатора определяет различия в содержании, но не сути политико-делового цикла.

³¹ 200 долл. США в месяц к концу 2004 г., 300 — к концу 2006 г., 340 — к концу 2007 г.

или усилением роли профсоюзных организаций, а с усилением роли государственного регулирования в сфере установления заработной платы. За период с 1996 по 2006 гг. произошло сокращение разрыва между максимальной и минимальной оплатой труда (табл. 6.1).

Однако сокращение этого разрыва не происходило непрерывно: с 1997 по 1999 гг. наблюдался рост дифференциации в оплате труда, и только с 2000 г. она начала стала сокращаться. Причиной тому является некоторая автономия предприятий в оплате труда, существовавшая, несмотря на действие Единой тарифной сетки работников Республики Беларусь (ЕТС). В ее рамках профсоюзы могли устанавливать повышенные ставки оплаты труда. Кроме того, существовала возможность увеличивать выплаты наемным работникам за счет надбавок и премий. Тарифная автономия предприятий была серьезно ограничена декретом президента №17 от 18.07.2002 «О некоторых вопросах регулирования оплаты труда работников», а также постановлением Министерства труда и социальной защиты №123 от 20.09.2002. Эти два основных документа стали основой «выравнивания» заработных плат в экономике. Согласно декрету №17 оплата труда работников во всех коммерческих организациях независимо от формы собственности стала определяться на основе ЕТС.

Таблица 6.1

Отраслевая дифференциация оплаты труда в Беларуси

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Соотношение между максимумом и минимумом	3.8	3.3	3.3	3.8	3.0	2.9	3.1	3.3	3.0	2.6	2.6
Отношение минимального уровня оплаты труда к среднему уровню	0.5	0.6	0.6	0.5	0.6	0.6	0.6	0.6	0.6	0.6	0.6
Отношение максимального уровня оплаты труда к среднему уровню	1.8	1.9	2.0	2.0	1.9	1.8	1.9	1.9	1.8	1.6	1.6

Примечание. Минимум и максимум – средняя зарплата в секторах экономики с наименьшей и наибольшей зарплатой соответственно.

Источник: расчеты на основе данных Министерства статистики и анализа.

Единая тарифная сетка бюджетного сектора состоит из 27 разрядов, которые определяют заработную плату конкретного работника. Дифференциация заработной платы определяется умножением тарифной ставки первого разряда, устанавливаемой правительством, на тарифный коэффициент соответствующего разряда, разнящийся от 1 до 7.84.³² Таким образом, размер дифференциации в оплате труда (и, соответственно, неравенство распределения дохода в целом) фактически задавался рамками ЕТС.

В 2004 г. был сделан новый шаг в сторону ограничение роста более высоких зарплат и в то же время повышению уровня оплаты труда в секторах с низкой зарплатой. В частности, постановление Совета министров №1651 от 27.12.2004 «О некоторых вопросах регулирования оплаты труда работников коммерческих организаций» утвердило базовый предельный норматив ставки первого разряда для коммерческих организаций государственной формы собственности и с долей собственности государства в их имуществе в размере бюджета прожиточного минимума для трудоспособного населения. Это же постановление ограничило долю выплат за счет прибыли величиной не превышающей 30% от фонда заработной платы для предприятий, достигших предельного размера тарифной ставки первого разряда, т.е. был введен предельный норматив прибыли, направляемой на оплату труда.

6.2. Инструменты и последствия ценового регулирования

Ранее было показано, что белорусские домохозяйства с разным уровнем дохода сталкиваются с вариативностью инфляции, поскольку структура их потребления различается. Одним из факторов, обуславливающих вариативность инфляции, является государственное регулиро-

³² В ЕТС нарастание тарифных коэффициентов по диапазонам разрядов установлено следующим образом: с первого по 4-й разряд 16%, с 4-го по 6-й разряд – 10%, с 6-го по 27-й разряд – 7%.

вание цен. Формально либерализация цен в Беларуси была проведена в 1992–1994 гг. и 2002–2003 гг., однако государственное регулирование цен во многом сохраняется (Пелипась, Ракова, Чубрик (2007)). Европейский банк реконструкции и развития оценивает прогресс в области либерализации цен в Беларуси на «3–» («4+» – показатель для рыночной экономики). Это один из самых низких показателей среди стран с переходной экономикой (EBRD (2006)).

Правительство устанавливает ограничения на рост цен (не более 0.5% в месяц в 2007 г.), а повышение сверх норматива необходимо обосновать и зарегистрировать в государственных органах. Исследование частных предприятий, проведенное Исследовательским центром ИПМ, показало, что государственное регулирование цен – серьезная проблема для абсолютного большинства предприятий частного сектора (Пелипась, Ракова, Чубрик (2007)). Помимо ограничения роста цен в Беларуси практикуется установление предельных величин рентабельности и наценок (МФК (2005)). По оценкам экспертов Исследовательского центра ИПМ, регулирование цен обходится малому бизнесу в сумму от 1 до 3 млрд долл. США в год, или около 0.5% ВВП Беларуси (Пелипась, Ракова, Чубрик (2007)). Предприятия сталкиваются с высокими транзакционными издержками, что ведет к росту затрат и заставляет их искать способы повышения цен, избегая тем самым ценового регулирования. Очевидно, что эти издержки перекадываются в итоге на потребителей, и чем более жестко регулируются цены (например, цены на «социально-значимые» товары, входящие в корзину бюджета прожиточного минимума), тем быстрее они в итоге растут.³³

Более широкий анализ базовых нормативно-правовых документов, регулирующих процесс ценообразования в Беларуси, позволяет получить оценку широты охвата административным ценовым регулированием товаров и услуг. В работе Готовского и др. (2006) сделана попытка оценки доли товаров и услуг, производимых в Беларуси и подвергаемых прямому ценовому регулированию. Было использовано три подхода. В первом случае не учитывались товары и услуги предприятий, включенных в реестр хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках Беларуси, что дало цифру в 44% (удельный вес продукции, цены на которую напрямую регулируются государством). Во втором случае были включена продукция предприятий из упомянутого реестра, и оценка удельного веса регулируемых цен возросла до 55.7%. Наконец, в работе было установлено, что с учетом применения предельных индексов удельный вес регулируемых цен составляет не менее 89%.

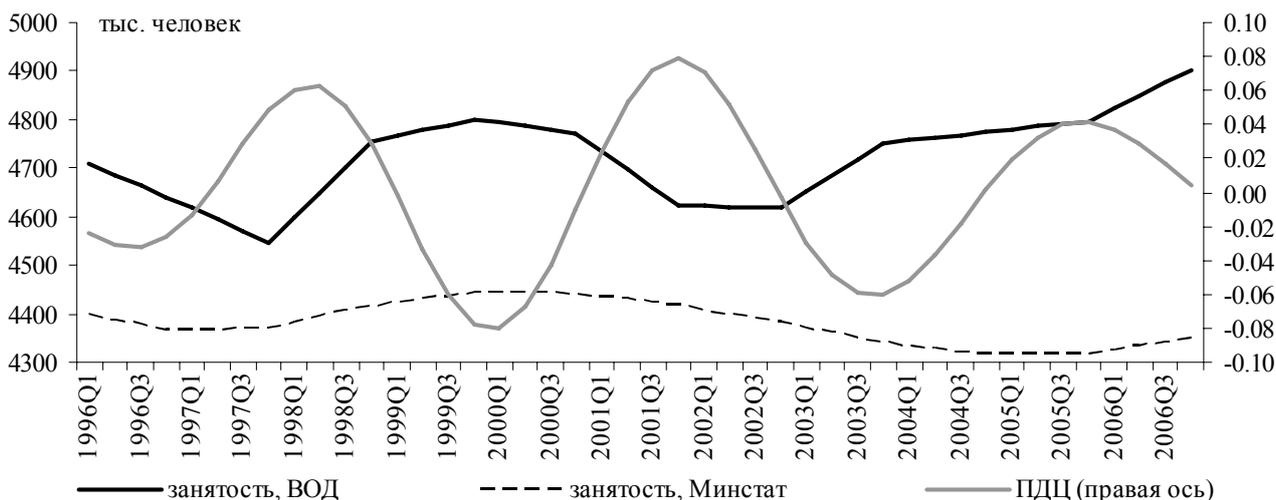
Таким образом, в рамках политико-делового цикла правительство не только вмешивается в функционирование рынка труда, но и воздействует на механизмы ценообразования (см. Приложение В). После фазы популизма, когда жестко регулируются цены и рынок труда (т.е. после пиковой фазы ПДЦ), наступают периоды относительной либерализации, дающие возможность исправить макроэкономические диспропорции, возникшие за время проведения популистской политики.

6.3. Насколько устойчиво снижение бедности в Беларуси?

Экономический рост, который является одним из главных приоритетов белорусской экономической политики, выступает важнейшим элементом стратегии борьбы с бедностью в постсоветских странах. Однако для успеха такой стратегии необходимо, чтобы этот рост приводил к созданию новых рабочих мест (Всемирный банк (2001)). В отличие от развитых рыночных экономик, полагающихся на гибкость рынка труда, и развивающихся стран, использующих увеличение занятости, белорусский вариант стратегии снижения бедности заключается в регулировании «каналов передачи» положительного влияния экономического роста на уровень благосостояния населения. Это связано с особенностями социально-экономической системы Беларуси в целом (Haiduk (2007b)) и регулированием рынка труда в частности (Гайдук и др. (2006)).

³³ Если за 1996–2006 гг. потребительские цены выросли в 188 раз (1996 г. = 1), то цены товаров и услуг, входящие в корзину бюджета прожиточного минимума, – в 392 раза.

Одной из таких особенностей является обратная зависимость между уровнем занятости и политико-деловым циклом (рис. 6.2). На стадии «подъема» ПДЦ усиливается вмешательство государства в экономику, поскольку оно должно мобилизовать ресурсы для увеличения доходов избирателей. В эти периоды предприятия, вероятно, склонны снижать занятость, чтобы ограничить растущие издержки на оплату труда. В свою очередь относительно высокие доходы и социальные трансферты, получаемые в такие периоды занятыми членами семей и пенсионерами, снижают активность безработных по поиску работы. В периоды спада ПДЦ, напротив, активность безработных повышается, а предприятия охотнее нанимают работников. При этом гораздо активнее в этом отношении организации «теневого» сектора (рис. 6.2), гораздо более гибкого в вопросах найма и увольнения.³⁴

Примечание. Политико-деловой цикл (*psc_w*) – логарифмическая шкала. ВОД – данные Выборочного обследования домохозяйств, Минстат – официальные данные Министерства статистики и анализа. Квартальные данные получены на основе годовых исходя из постоянных квартальных темпов роста занятости в течение года.

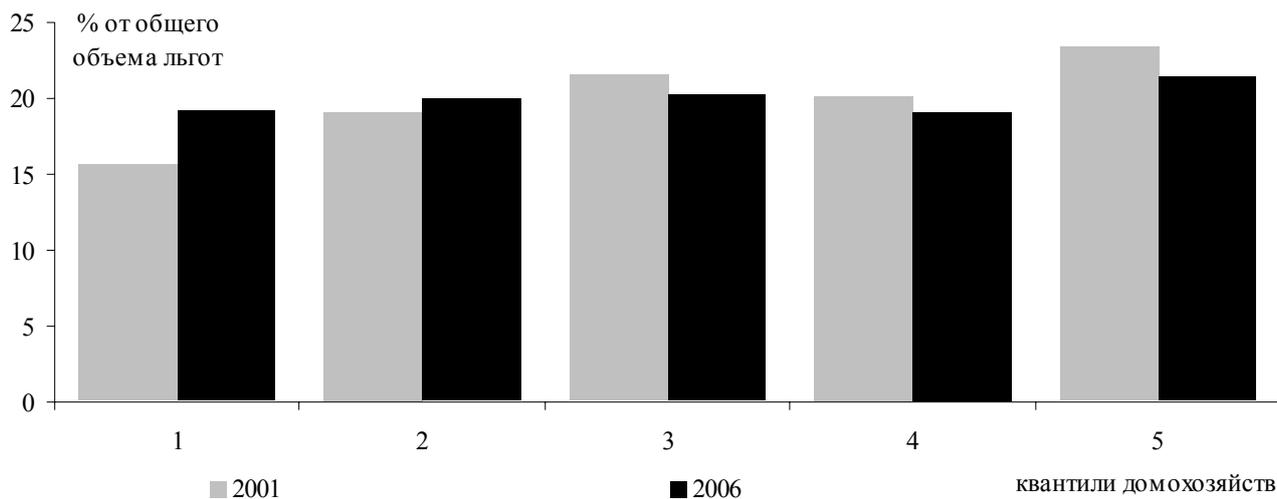
Источник: расчеты на основе данных Министерства статистики и анализа и Выборочного обследования домохозяйств.

Рис. 6.2. Занятость и политико-деловой цикл

Таким образом, одним из элементов стратегии дальнейшего снижения бедности может стать именно повышение гибкости рынка труда, в том числе через развитие малого бизнеса. В условиях неразвитости частного бизнеса в Беларуси у него есть огромный потенциал по созданию новых рабочих мест, который уже «проявлялся» в годы относительной либерализации (Пелипась, Ракова, Чубрик (2006)). Кроме того, развитие легального малого бизнеса поможет хотя бы частично решить проблему социальной защищенности граждан, занятых на теневом рынке труда.

Важным фактором устойчивости снижения бедности является политика в области предоставления социальных льгот. В большинстве стран СНГ она практически не претерпела изменений по сравнению с советской системой – льготами пользуются до 80% населения вне зависимости от уровня их благосостояния (Синицына (2006)). Беларусь не является исключением – по данным Выборочного обследования домохозяйств, в 2001 г. 64.1% домохозяйств получали социальные льготы, а в 2006 г. – 64.2%. При этом система льгот не является адресной: и в 2001, и в 2006 гг. 20% наиболее обеспеченных домашних хозяйств получали больше льгот, чем 20% беднейших семей (хотя разрыв между богатыми и бедными за эти пять лет заметно снизился – с 7.7 до 2.2 процентного пункта, рис. 6.3).

³⁴ Вероятно, это объясняется «сносными» условиями найма и увольнения работников для малого бизнеса: согласно оценкам Всемирного банка, в 2007 г. Беларусь находилась на 31 месте в мире по этому легкости найма, в то время как по легкости ведения бизнеса в целом – на 129 месте (World Bank (2007)).

Источник: Выборочное обследование домохозяйств.

Рис. 6.3. Распределение социальных льгот по 20%-ным группам домохозяйств

В целом, поскольку снижение бедности было основано на значительном государственном распределении, а не на создании возможностей для наименее обеспеченных граждан заниматься производительной и хорошо оплачиваемой работой, устойчивость результатов стратегии борьбы с бедностью целиком зависит от устойчивости экономического роста. К концу 2006 г. белорусская экономика столкнулась с рядом вызовов, преодоление которых является критически важным для сохранения высоких темпов экономического роста (Чубрик (2006); Пелипась, Ракова, Чубрик (2007)). Однако для этого потребуются переход к средне- и долгосрочным стратегиям социальной и экономической политики. Нынешняя стратегия, основанная на решении краткосрочных задач в рамках политико-делового цикла, не является устойчивой.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проведенный анализ позволил нам ответить на вопросы, поставленные в начале работы – *можно ли считать экономический рост в Беларуси ростом в пользу бедных и какие факторы определяли динамику уровня бедности в Беларуси*. В соответствии с определением, согласно которому рост в пользу бедных ведет к увеличению доли бедных в совокупном доходе, наблюдавшийся экономический рост можно назвать ростом в пользу бедных с определенной «натяжкой». В процессе экономического роста совокупный доход распределялся скорее не в пользу бедных, а «в пользу средних», которые, вероятно, и были той социальной группой, на которую более всего ориентировалась белорусская экономическая политика. Согласно другому определению, наблюдавшийся экономический рост, безусловно, являлся ростом в пользу бедных, поскольку он сопровождался значительным снижением бедности. Таким образом, гипотеза 1 о том, что доходы бедных в расчете на 1% прироста ВВП росли быстрее, чем доходы богатых или граждан со средним доходом, подтвердилась, правда, с определенными «оговорками».

Одной из таких «оговорок» является то, что девальвация в долгосрочном периоде оказывала негативное влияние на доходы бедных, а в краткосрочном периоде – еще и на доходы «средних» граждан. Наиболее обеспеченная часть населения не была подвержена негативному влиянию девальвации ни в краткосрочном, ни в долгосрочном периодах, что подтверждает гипотезу 2. Другой «оговоркой» является зависимость темпов роста цен для отдельных групп населения от структуры их расходов: товары, занимающие большую долю в расходах

бедных, дорожали быстрее, чем те, что занимали большую долю в расходах богатых. Кроме того, изменение относительных цен делало бедных относительно беднее. Это подтверждает гипотезу 3 о негативном влиянии вариативности инфляции на благосостояние бедных.

Полученные результаты позволяют сделать некоторые выводы об особенностях проводимой в стране социальной политики. Привязка этой политики к целевым показателям заработной платы, выраженным в долларах США, создавала иллюзию весьма быстрого роста доходов, поскольку последние девять лет наблюдалось реальное укрепление белорусского рубля по отношению к доллару. Кроме того, она давала возможность увеличивать доходы бедных быстрее, чем доходы богатых, отвлекаясь от покупательной способности этих доходов. Однако цены на товары и услуги, потребляемые наименее обеспеченными домохозяйствами, росли в рассмотренный период быстрее, чем на товары и услуги «для богатых». Таким образом, относительное улучшение благосостояния бедных, измеренного в долларах США, нивелировалось (по крайней мере, частично) быстрым ростом цен на товары и услуги для данной группы населения, что ставит под сомнение «социальную направленность» экономического роста, понимаемую как политику, направленную на перераспределение роста ВВП в пользу бедных, в эти годы.

Эконометрический анализ факторов бедности в рамках моделей с механизмом корректировки ошибки позволил выделить следующие факторы снижения бедности: реальный ВВП, номинальный обменный курс и реальные доходы – зарплата и пенсия. Рост ВВП оказался важнейшим фактором снижения бедности в долгосрочном периоде. Девальвация оказывалась «неожиданностью» для наименее обеспеченного населения, не способного самостоятельно застраховать свои «активы» от макроэкономических шоков, поэтому приводила к росту уровня бедности, как в долгосрочном, так и в краткосрочном периоде. Рост заработной платы и пенсии являлся ключевым для «текущей» борьбы с бедностью, поскольку косвенно учитывал воздействие на бедность инструментов политико-делового цикла (гипотеза 4).

Значимого влияния инфляции на динамику бедности выявлено не было, как и значимого влияния показателей, характеризующих неравенство распределения дохода. Возможным выводом из этого является неэффективность политики перераспределения с точки зрения снижения бедности, что не позволяет принять нашу гипотезу 5. Однако перераспределительными эффектами обладает девальвация, что дает основания говорить о влиянии перераспределения дохода, связанного с девальвацией, на положение бедных.

Кроме того, анализ институционально-правовых аспектов политико-делового цикла показал, что в рассмотренный период политика перераспределения, очевидно, является одной из его составляющих. Главным образом оно осуществлялось через регулирование заработной платы: таргетирование ее среднего уровня, установление минимальной заработной платы и ограничение дифференциации оплаты труда. Следовательно, политико-деловой цикл выступал еще одним каналом влияния политики перераспределения на уровень бедности.

Поскольку снижение бедности было основано не на создании возможностей для наименее обеспеченных граждан заниматься производительной и хорошо оплачиваемой работой, а на циклических мерах по повышению дохода и его перераспределению в пользу целевых социальных групп. В такой ситуации устойчивость результатов стратегии борьбы с бедностью целиком зависит от устойчивости экономического роста. После повышения цен на энергоносители экономика Беларуси столкнулась с серьезными вызовами, преодоление которых является критически важным для сохранения высоких темпов экономического роста. Однако для этого потребуются переход к средне- и долгосрочным стратегиям социальной и экономической политики. Нынешняя стратегия, основанная на решении краткосрочных задач в рамках политико-делового цикла, не является устойчивой. Одним из элементов стратегии дальнейшего снижения бедности может стать именно повышение гибкости рынка труда, в том числе через развитие малого бизнеса, у которого есть огромный потенциал по созданию новых рабочих мест. Значимую роль в выведении части населения из-за черты бедности может сыграть повышение адресности социальной поддержки.

В данной работе практически не был затронут целый ряд важных вопросов, связанных с ее тематикой. В частности, мало внимания было уделено фискальным механизмам перераспределения и социальным трансфертам (прежде всего, пенсиям). Кроме того, не анализировались профили бедности и «чувствительные» социальные группы. Наконец, дополнительного изучения требуют инструменты политико-делового цикла. Изучение этих вопросов позволит глубже понять природу бедности в Беларуси и подготовить практические рекомендации по ее преодолению.

ЛИТЕРАТУРА

Валевский М., Чубрик А. (2001). Положение домашних хозяйств в Беларуси в 1995–2000 гг. В: Антчак Р., Гужинский, М., Козаржевский, П. (ред.) *Экономика Беларуси в 1995–2000: от рынка к плану*, Варшава, Фонд CASE – Центр социально-экономических исследований.

Всемирный банк (2001). *Обратить реформы на благо всех и каждого. Бедность и неравенство в странах Европы и Центральной Азии*, Всемирный банк, Вашингтон О.К.

Всемирный банк (2005). Беларусь: окно возможностей для повышения конкурентоспособности и обеспечения устойчивых темпов экономического роста. *Страновой экономический меморандум для Республики Беларусь*, отчет №32346-ВУ.

Гайдук К., Чубрик А., Парчевская С., Валевский М. (2006). Рынок труда в Беларуси: общий обзор, *ЭКОВЕСТ* 5, 1, 44–93.

Гайдук К., Херр Х., Линтовская Т., Парчевская С., Приве, Я., Цику, Р. (2005). *Белорусская экономика на перепутье*, Москва, МОТ/Авекс.

Готовский А., Василега В., Бурыдко Н., Гуцол П., Пятинкин С. (2006). *Региональная дифференциация цен, доходов населения Беларуси и проводимая экономическая политика*, Минск, Юнипак.

Крук Д., Пелипась И., Чубрик А. (2006). *Основные макроэкономические взаимосвязи в экономике Беларуси: результаты эконометрического моделирования*, Минск, Исследовательский центр ИПМ.

Министерство статистики и анализа (2006а). *Квартальные расчеты валового внутреннего продукта*, Минск, Министерство статистики и анализа Республики Беларусь.

Министерство статистики и анализа (2006б). *Основные социально-демографические характеристики домашних хозяйств*, Минск, Министерство статистики и анализа Республики Беларусь.

Министерство статистики и анализа. *Основные показатели материальной обеспеченности домашних хозяйств Республики Беларусь*, разные выпуски, Минск, Министерство статистики и анализа Республики Беларусь.

Министерство статистики и анализа. *Расходы и доходы населения в Республике Беларусь*, разные выпуски, Минск, Министерство статистики и анализа Республики Беларусь.

Министерство статистики и анализа. *Статистический бюллетень*, разные выпуски, Минск, Министерство статистики и анализа Республики Беларусь.

МФК (2005). *Деловая среда в Беларуси*, аналитический отчет, Минск, Международная финансовая корпорация.

Национальный банк. *Бюллетень банковской статистики*, разные выпуски, Минск, Национальный банк Республики Беларусь.

Парчевская С. (2007). Политика снижения бедности: законодательство в области установления минимальных социальных стандартов, регулирования цен и оплаты труда, *рукопись*.

Пелипась И., Ракова Е., Чубрик А. (ред.) (2006). *Белорусский бизнес: состояние, тенденции, перспективы*, Санкт-Петербург, Невский простор.

Пелипась И., Ракова Е., Чубрик А. (ред.) (2007). *Белорусский бизнес: состояние, тенденции, перспективы*, Санкт-Петербург, Невский простор.

Сакс Д., Ларрен Ф. (1996). *Макроэкономика: глобальный подход*, Москва, Дело.

Синицына И. (2006). Бедность и пути ее преодоления в странах СНГ, *ЭКОВЕСТ*, 5, 1, 135–170.

Центр развития (2006). *Экономическое обозрение ЕвразЭС+*, 3(8).

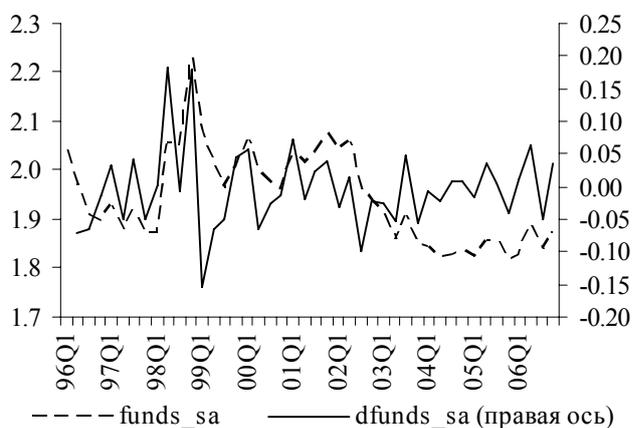
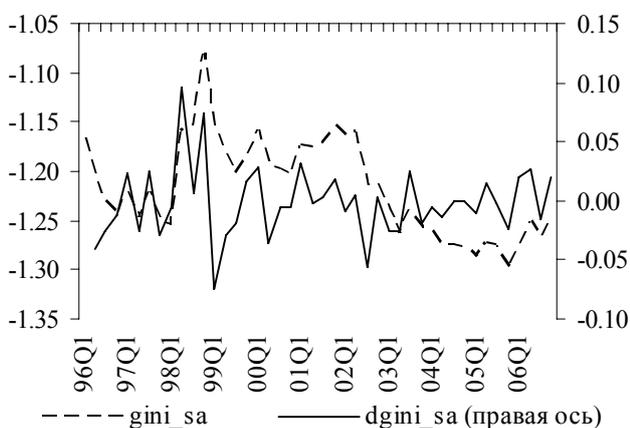
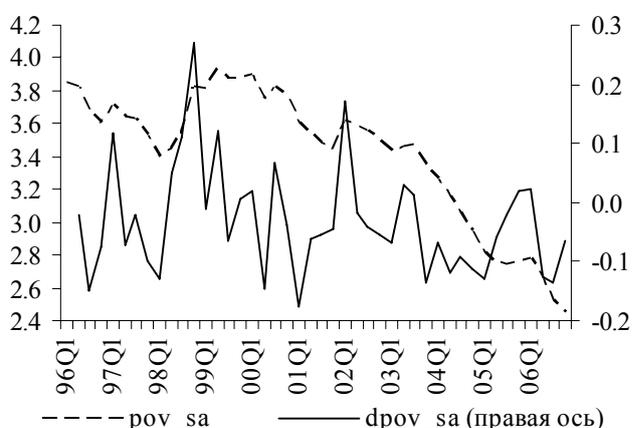
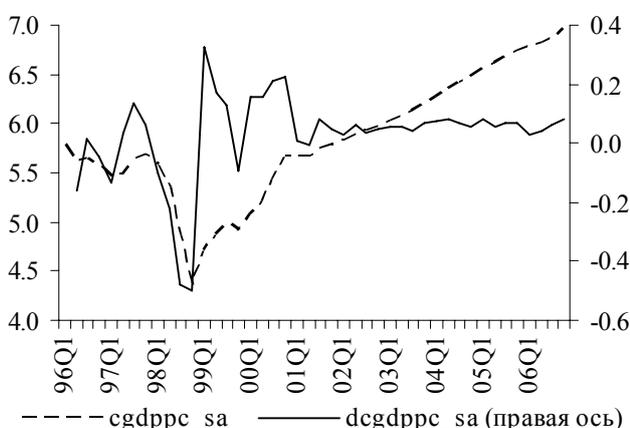
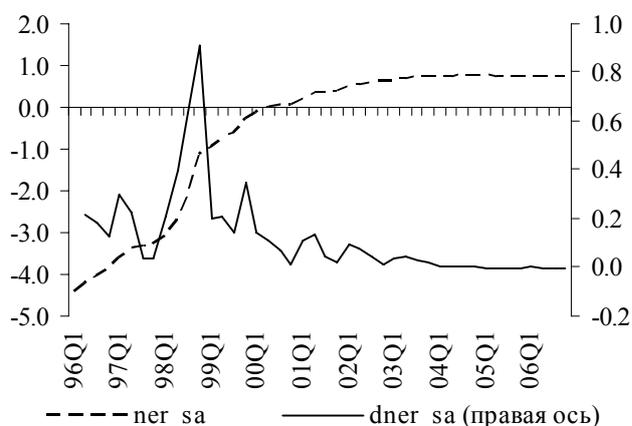
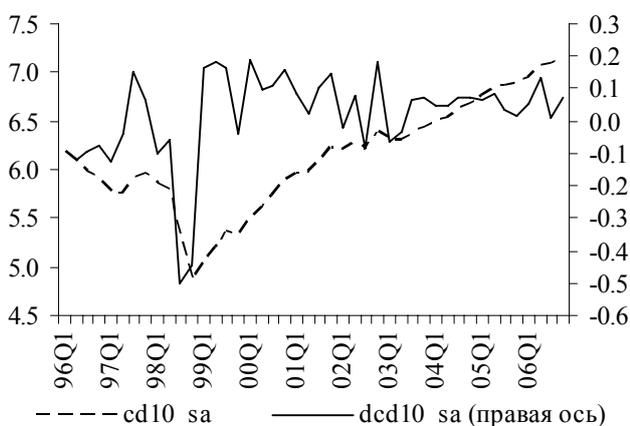
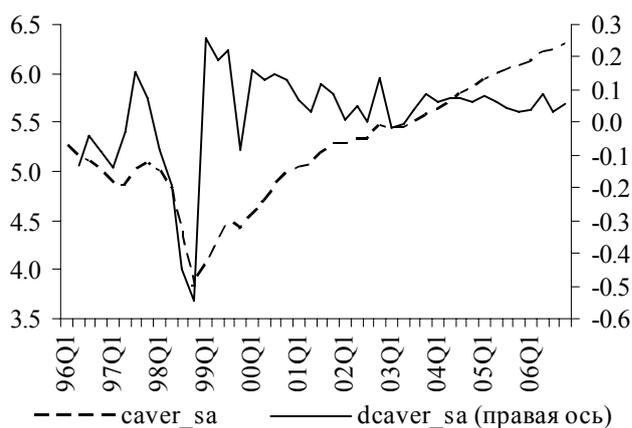
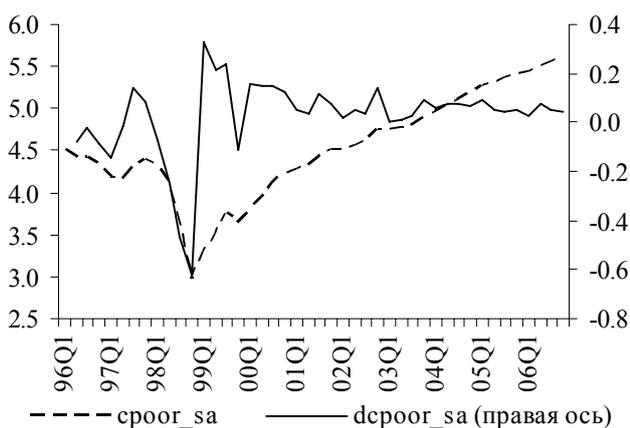
Чубрик А. (2005). Десять лет роста ВВП в Беларуси: факторы и перспективы, *ЭКОВЕСТ* 4, 3, 454–474.

- Чубрик А. (2006). Экономика Беларуси: основные вызовы. В: Пелипась И. (ред.) *Экономика Беларуси: тенденции развития и основные вызовы*, Санкт-Петербург, Невский простор.
- Чубрик А., Джуччи Р. (2006). Факторы, определяющие заработную плату в Беларуси: производительность труда и политика оплаты труда, *Аналитическая записка Немецкой экономической группы в Беларуси* АЗ/04/06.
- Adelman, I. (1975). 'Growth, Income Distribution, and Equity-Oriented Development Strategies', In: *World Development*, Vol. 3, No. 1 and No.2.
- Adelman, I., Morris, C. (1973). *Economic Growth and Social Equality in Developing Countries*, Stanford, Stanford University Press.
- Alesina, A., Rodrik, D. (1994). Distributive Politics and Endogenous Growth, *Quarterly Journal of Economics*, 109, 465–490.
- Alhuwalia, M.S., Chenery, H. (1974). The Economic Framework, In: Chenery, H., Ahluwalia, M., Bell, C., Duloy, J., Jolly, R. (Eds.) *Redistribution with Growth*, London, Oxford University Press.
- Atkinson, A. (1998). *Poverty in Europe*, Oxford, Blackwell Publishers.
- Beblo, M., Golinowska, S., Lauer, C., Pietka, K., Sowa, A. (2002). Poverty Dynamics in Poland: Selected Quantitative Analyses, *CASE Report* 54.
- Casero, P., Seshan, G. (2006). Fiscal and Social Impact of a Nominal Exchange Rate Devaluation in Djibouti, *World Bank Policy Research Working Paper* 4028.
- Christiano, L., Fitzgerald, T. (2003). The Band Pass Filter, *International Economic Review*, 44(2), 435–465.
- Cohen, B. (2004). *The Future of Money*, Princeton, Princeton University Press.
- Cord, L. et al. (2004). 'When I Use A Word...': Pro-Poor Growth and Poverty Reduction. In: Krakowski, M. (Ed.). *Attacking Poverty: What Makes Growth Pro-Poor?* Baden-Baden, Nomos.
- Cox, R. (2002). *The Political Economy of a Plural World: Critical Reflections on Power, Morals, and Civilization*, London, Routledge.
- Crawford, I., Smith, Z. (2002). Distributional Aspects of Inflation, *The Institute for Fiscal Studies Commentary* 90.
- Deaton, A. (1998). Getting Prices Right: What Should Be Done? *Journal of Economic Perspectives*, 12, 1, 37–46.
- Deininger, K., Squire, L. (1996). A New Data Set Measuring Inequality, *The World Bank Economic Review* 10, 565–591.
- Dickey, D., Fuller, W. (1979). Distribution of the Estimators for Autoregressive Time Series with a Unit Root, *Journal of the American Statistical Association* 74, 427–431.
- Dollar, D., Kray, A. (2002). Growth is Good for Poor, *Journal of Economic Growth*, 7, 195–225.
- Dornbusch, R. (1990). From Stabilization to Growth, *NBER Working Paper* 3302.
- Easterly, W. (2002) *The Illusive Quest for Growth: Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics*, Cambridge, MIT Press.
- Easterly, W., Fischer, S. (2001). Inflation and the Poor, *Journal of Money, Credit and Banking*, 33, 2 (Part 1), 160–178.
- EBRD (2006). *Transition Report 2006: Finance in Transition*, London, European Bank for Reconstruction and Development.
- Eichengreen, R., Iversen, T. (1999). Institutions and Economic Performance in the 20th Century: Evidence from the Labor Market, *Oxford Review of Economic Policy*, 15, 4, 121–138.
- Elliott, G., Rothenberg, T., Stock, J. (1996). Efficient Tests for an Autoregressive Unit Root, *Econometrica* 64, 813–836.
- Emmerij, L. (1981). Basic Needs and Employment-Oriented Strategies Reconsidered, *Development and Peace*, 2.
- Engle, R., Granger, C. (1987). Co-integration and Error Correction: Representation, Estimation, and Testing, *Econometrica* 55, 251–276.

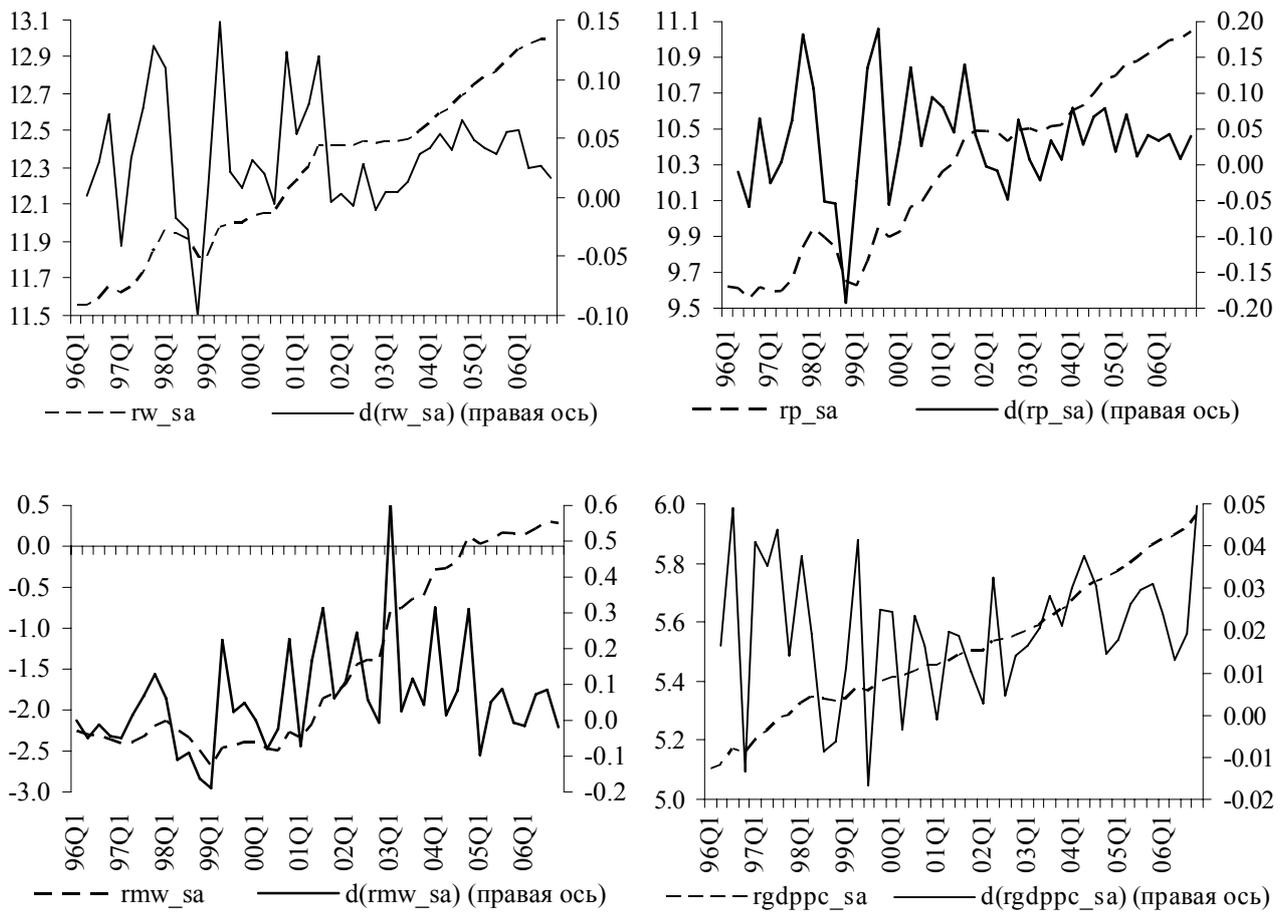
- Esping-Andersen, G. (1999). *Social Foundations of Post-Industrial Economies*, Oxford, Oxford University Press.
- Ferrera, M., Hemerijck, A., Rhodes, M. (2000). *The Future of Social Europe: Recasting Work and Welfare in the New Economy, Report prepared for the Portuguese Presidency of the European Union*.
- Fizbein, A., Giovagnoli, P., Adúriz, I. (2002). *Argentina's Crisis and its Impact on Household Welfare, Working Paper 1/02*, World Bank Office for Argentine, Chile and Uruguay.
- Gimpelson, V., Lippoldt, D. (2001). *The Russian Labour Market: Between Transition and Turmoil*, Oxford, Rowman and Littlefield.
- Goldschmit, A., Vezza, E. (2006). *The Impact of Devaluation on Argentine Households: Socio-Economic Changes Observed Between October 2001 and October 2002, PMMA Network Session Paper*.
- Griffin, K., James, J. (1981). *The Transition to Egalitarian Development: Economic Policies for Structural Change in the Third World*, MacMillan, London.
- Grimm, M., Gunther, I. (2005). *Inflation Inequality and the Measurement of Pro-Poor Growth, DIAL, DT/2005-08*.
- Haiduk, K. (2007a). *The Political Economy of Post-Soviet Offshorisation*, In: Assassi, L., Nesvetailova, A., Wigan, D. (Eds.) *Global Finance in the New Century*, Macmillan, London.
- Haiduk, K. (2007b). *State-Society Relations in Belarus*, In: Pickles, J. (Ed.) *State and Society in Post-Socialist Economies*, Palgrave Macmillan, London.
- Hendry, D., Krolzig, H.-M. (2001). *Automatic Econometric Model Selection Using PcGets*, Timberlake Consultants Press.
- Herr, H.-J. (1997). *The International Monetary System and Domestic Policy*, In: Forsyth, D., Notermans, T. (Eds.) *Regime Changes. Macroeconomic Policy and Financial Regulations in Europe from 1930s to the 1990s*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Herr, H.-J., Priewe, J. (2005). *The Macroeconomics of Development and Poverty Reduction: Strategies Beyond the Washington Consensus*, Nomos, Baden-Baden.
- IDS (1999). *Development Research Insight*, Institute of Development Studies, University of Sussex.
- ILO (1976). *Meeting Basic Needs: Strategies for Eradicating Mass Poverty and Unemployment*, International Labor Organization, Geneva.
- IMF (2002). *Staff Report for the 2001 Article IV Consultations. IMF Country Report, 02/223*.
- IMF (2005). *Republic of Belarus: Selected Issues, IMF Country Report 05/217*.
- Iversen, T. (1999). *Contested Economic Institutions: The Politics of Macroeconomics and Wage Bargaining in Advanced Democracies*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Iversen, T. (2005). *Capitalism, Democracy, and Welfare*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Iversen, T., Soskice, D. (2006). *New Macroeconomics and Political Science, Annual Review of Political Science, 9, 425-433*.
- Katzenstein, P. (1984). *Corporatism and Change*, Ithaca, N.Y., Cornell University Press.
- Kenworthy, L. (2004). *Egalitarian Capitalism: Jobs, Incomes, and Growth in Affluent Countries*, Russell Sage, New York.
- Kwiatkowski, D., Phillips, P., Schmidt, P., Shin, Y. (1992). *Testing the Null Hypothesis of Stationary against the Alternative of a Unit Root, Journal of Econometrics 54, 159-178*.
- Lipton, M. (1995). *Growing Points in Poverty Research: Labor Issues*, In: Rodgers, G. (Ed.) *New Approaches to Poverty. Analysis and Policy, I. The Poverty Agenda and the ILO, Issues for Research and Action*, International Labor Organization, Geneva.
- MacKinnon, J. (1991). *Critical Values for Cointegration Tests*. In: Engle, R., Granger, C. (Eds.), *Long Run Economic Relationships*, Oxford University Press.
- Maddison, A. (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective*, Paris, OECD.
- Milanovic, B. (1998). *Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy*, The World Bank, Washington D.C.

- Mingione, E. (1996). Urban Poverty in Advanced Industrial World: Concepts, Analysis and Debates. In: Mingione, E. (Ed.) *Urban Poverty and the Underclass*, Basil Blackwell, Oxford.
- Mosley, L. (2003). *Global Capital and National Governments*, Cambridge, Cambridge University Press.
- OECD (2001). Rising to the Global Challenge: Partnership for Reducing World Poverty, *Statement by the DAC High Level Meeting*, April 25–26, Paris.
- Pelipas, I. (2006). Modeling the Demand for Money and Inflation in Belarus. In: de Souza, L., Havrylyshyn, O. (Eds.), *Return to Growth in CIS Countries*, Springer.
- Ravallion, M., Chen, S. (2001). Measuring Pro-Poor Growth, *World Bank Policy Research Working Paper* 2666.
- Romer, C., Romer, D. (1998). Monetary Policy and the Well-Being of the Poor, *NBER Working Paper* 6793.
- Sachs, J. (2005). *Investing in Development: A Practical Plan to Achieve the Millennium Goals*, Earthscan, London.
- Scharpf, F., Schmidt, V. (2000). *Welfare and Work in the Open Economy, Vol. 1: From Vulnerability to Competitiveness*, Oxford, Oxford University Press.
- United Nations (2000). *A Better World for All*, New York, United Nations.
- World Bank (1995). *Understanding Poverty in Poland*, World Bank, Washington, D.C.
- World Bank (2005). *Pro-Poor Growth in the 1990s: Lessons and Insights from 14 Countries*, World Bank, Washington D.C.
- World Bank (2007). *Doing Business 2007: How to Reform*, World Bank, Washington D.C.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. АНАЛИЗИРУЕМЫЕ ДАННЫЕ

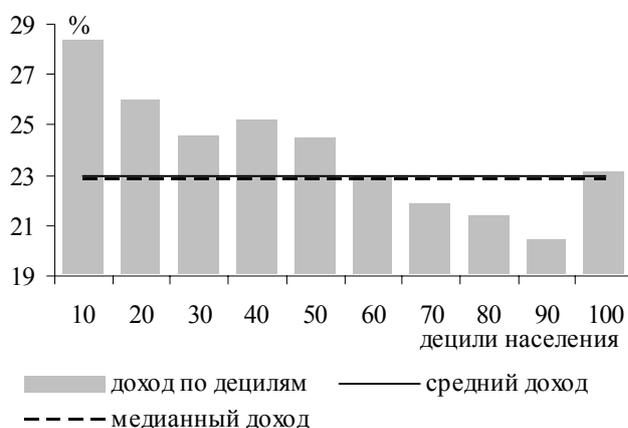
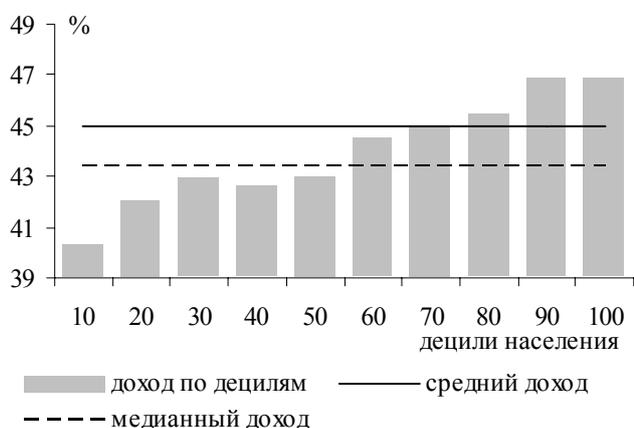
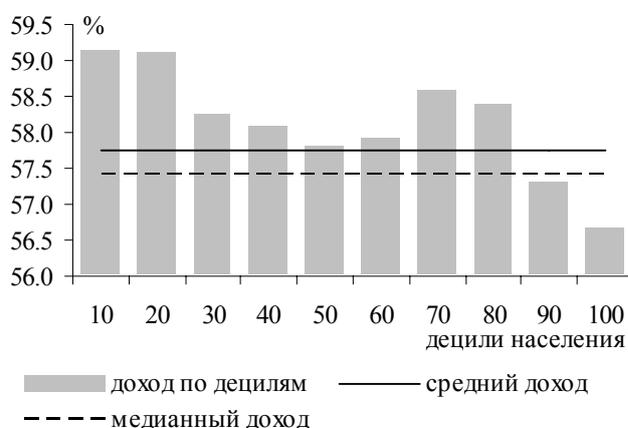
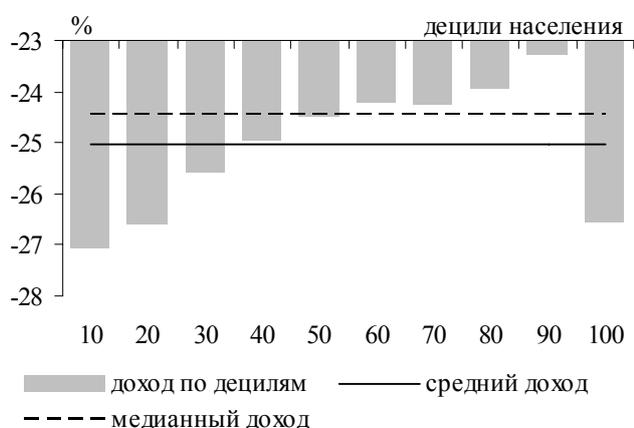
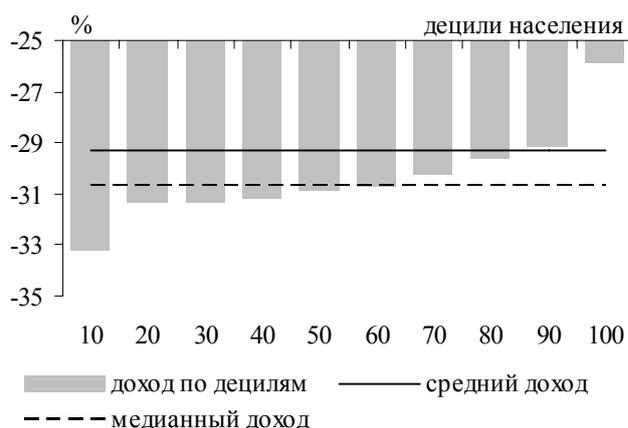
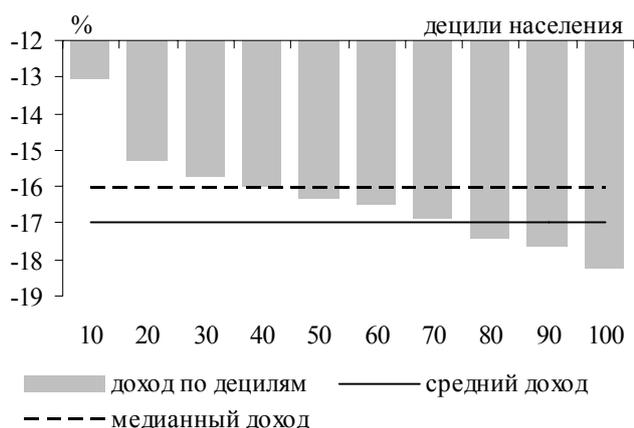
Рост в пользу бедных? Влияние динамики ВВП на благосостояние населения Беларуси

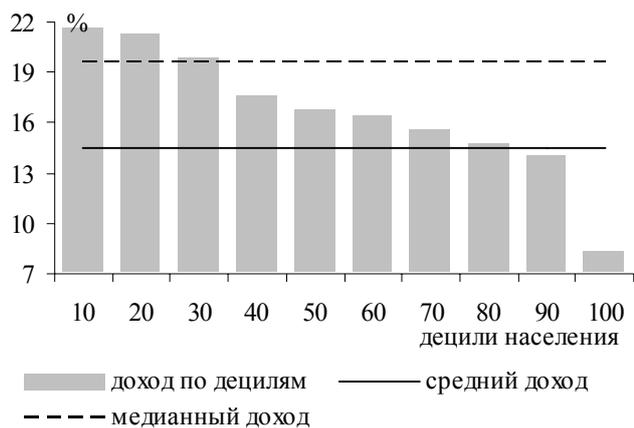
Примечание. Логарифмическая шкала; правая ось – первые логарифмические разности.

Источник: расчеты на основе данных Выборочного обследования домохозяйств, Министерства статистики и анализа, Национального банка Беларуси и Исследовательского центра ИПМ.

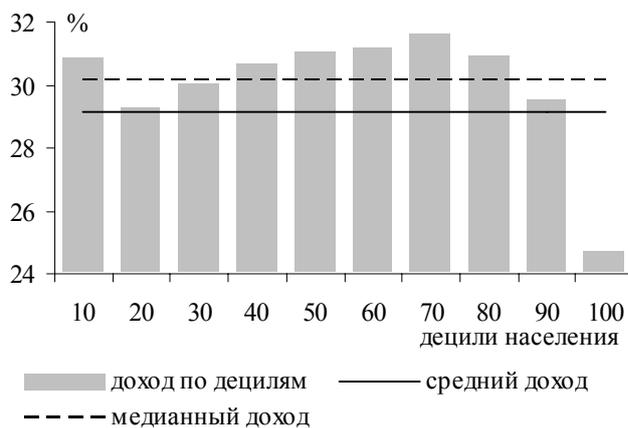
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. ТЕМПЫ ПРИРОСТА ДОХОДОВ ПО ДЕЦИЛЯМ, 1997–2006 ГГ.

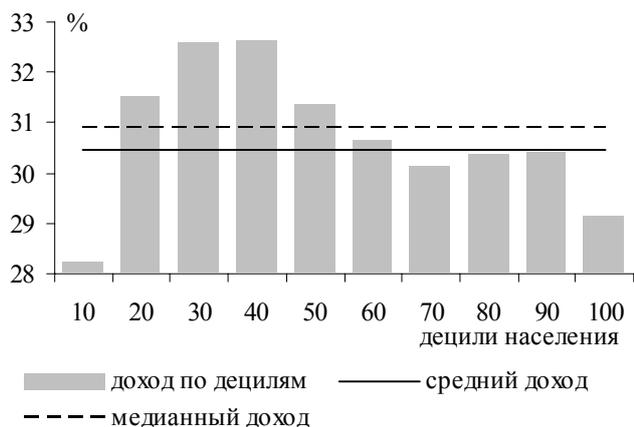
Рост в пользу бедных? Влияние динамики ВВП на благосостояние населения Беларуси

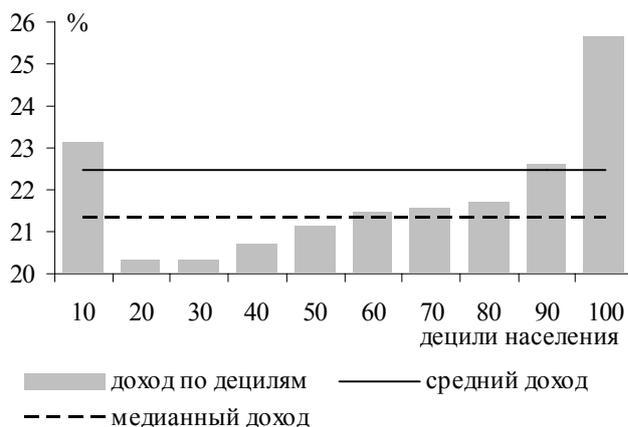
2003

2004

2005

2006

Примечание. Темпы прироста долларовых показателей, % в среднем за год.

Источник: расчеты на основе данных Выборочного обследования домохозяйств, Национального банка Беларуси и Исследовательского центра ИПМ.

ПРИЛОЖЕНИЕ В. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН И ОПЛАТЫ ТРУДА

Период ПДЦ	Законодательство в сфере оплаты труда	Законодательство в сфере ценообразования
2000–2002	<ul style="list-style-type: none">– декрет президента №17 от 18.07.2002 «О некоторых вопросах регулирования оплаты труда работников»,– постановление Министерства труда и социальной защиты №123 от 20.09.2002 (в редакции постановления Министерства труда и социальной защиты №31 от 30.03.2004) «Инструкция о порядке применения Единой тарифной сетки Республики Беларусь»,– декрет президента №3 от 15.02.2002 «О некоторых вопросах регулирования минимальной заработной платы».	Постановления Министерства экономики «О предельных ценах на социально-значимые продовольственные товары»: <ul style="list-style-type: none">– №5 от 19.01.2000,– №47 от 17.03.2000,– №63 от 07.04.2000,– №73 от 24.04.2000,– №140 от 17.07.2000,– №175 от 01.09.2000 и ряд других (практически ежемесячно).
2004	Постановление Совета министров №1651 от 27.12.2004 «О некоторых вопросах регулирования оплаты труда работников коммерческих организаций» (кроме коммерческих организаций с иностранными инвестициями).	
2005	Постановление Министерства труда и социальной защиты, Министерства финансов и Министерства экономики №18/23/34 от 24.02.2005 «Об утверждении Инструкции о порядке повышения тарифной ставки первого разряда коммерческими организациями (кроме коммерческих организаций с иностранными инвестициями)».	Постановления Министерства экономики «О предельных ценах на социально-значимые продовольственные товары»: <ul style="list-style-type: none">– №117 от 28.06.2005,– №165 от 23.09.2005,– №188 от 02.11.2005,– №193 от 09.11.2005.

Источник: Парчевская (2007).